

Александр Михайловский
Юлия Маркова

НИЗВЕРЖЕНИЕ ЗВЕРЯ

КРЫМСКИЙ ИЗЛОМ -8

Александр Борисович Михайловский
Юлия Викторовна Маркова
Низвержение Зверя
Серия «Ангелы в погонах»
Серия «Крымский излом», книга 8

Текст предоставлен правообладателем

Аннотация

Третий Рейх находится у последней черты. Потеряны плоды побед сорокового – сорок первого годов, и только Австрия, часть Польши, а также Богемия и Моравия пока остаются под властью немецких нацистов – поклонников «истинного арийского бога», имя которому Сатана.

За два года, прошедших с начала войны, на востоке вермахт сильно ослаб, а Красная Армия в тяжелейших боях обрела невероятное могущество. Каждый ее удар имеет сокрушительную силу и выбивает из-под власти Гитлера все новые территории. Ряды защитников Зла тают, и теперь даже самые упертые нацисты понимают, что их Рейх не доживет даже до Рождества. Да и какое может быть Рождество в стране, которая стала поклоняться Врагу Рода Человеческого?

Содержание

Часть 29. Операция «Суворов»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	113

Александр Михайловский, Юлия Маркова Низвержение Зверя

Обложка книги создана с использованием картины советского художника Петра Александровича Кривоногова «Капитуляция фашистских войск в Берлине», написанной в 1946 году.

Часть 29. Операция «Суворов»

15 июня 1943 года. 03:15. Второй Украинский фронт, место вступления.

Второй Украинский фронт, находящийся под командованием генерала Конева, протянулся на шестьсот километров с севера на юг от перевалов в Словацких Татрах до Словенского Прекмурья. Штаб фронта располагается в Братиславе (по-немецки Прессбурге), и основные его ударные группировки – три мехкорпуса ОСНАЗ из четырех – нацелены на запад, в направлении Австрии и Чехии. На карте уже запланированной операции «Суворов» стрелы их ударов выглядят как три красных штыка, протыкающих Третьему Рейху провинцию Остмарк и протекторат Богемии и Моравии. Еще один удар «снизу» конно-механизированной армией генерала Жадова наносил Третий Украинский фронт из района города Марибора в Словении, с обходом восточной оконечности альпийских хребтов на Зальцбург.

К началу третьего года германо-советской войны, иначе называемой Великой Отечественной, Красная Армия обрела возможность отвешивать нацистам целые серии тяжелых ударов. Во Франции, Бельгии и Голландии войска Четвертого Украинского фронта под общим командованием генерала Рокоссовского еще продолжают в оперативной пустоте двигаться на север, занимая территорию и уничтожая мел-

кие группы германо-европейских войск, а здесь, на востоке, через четверть часа начнется очередное эпическое наступление, еще на шаг приближающее окончательный крах Третьего Рейха.

С противоположной стороны фронта, занимая территории бывших Австрии и Чехии, группа армий «Остмарк», остаток былой роскоши, под командованием генерал-лейтенанта Лотара Рендулича готовилась к последней отчаянной обороне. По опыту предыдущих большевистских прорывов ожидалось, что мало кто из обороняющихся немецких солдат сумеет избежать пленения или смерти. В первой половине войны немцы и сами были мастера проводить подобные операции с решающим результатом, когда количество пленных врагов в разы превышало число убитых. В ПРОШЛОЙ РЕАЛЬНОСТИ Красная Армия это искусство освоила только в 1944 году, в начале наступательного этапа войны предпочитая вытеснять противника на запад, а не брать его в классические окружения. Да и там, где врага удавалось окружить или полуокружить, перерезав большинство магистралей снабжения, с ликвидацией вражеских котлов имелись серьезные проблемы. Они либо превращались в затяжной геморрой (как окружение второго армейского корпуса под Демянском), либо большей части окруженных все же удавалось разбежаться и уйти к своим. Но ЭТА ВЕРСИЯ ИСТОРИИ как раз и отличается тем, что Красная Армия имеет над вермахтом не только численное, но и качественное превос-

ходство, а на направлениях основных ударов это превосходство становится многократным. Поэтому противника всегда удается громить, окружая в чистом поле, не допуская ничего похожего на бои в Сталинграде, а также Будапеште, куда в нашем прошлом буквально запахали группировку германо-венгерских войск в четверть миллиона солдат и офицеров.

Готовился к грядущим событиям и Черный орден СС, руководство которым возложил на себя непосредственно Гитлер. С началом русского наступления по плану самоубийства германской нации для создания духовно-мистического щита на жертвенные алтари должны были пойти уже арийские женщины и дети (разумеется, за исключением особей, признанных годными носить оружие и зачисленных в фраубатальоны и фолькштурм). Что ж делать, если работать черным жрецам надо, а самок и детенышей недочеловеков на территории провинции Остмарк явно недостаточно. Совсем другое дело в Протекторате Богемия и Моравия и в генерал-губернаторстве, бывшей панской Польше. В тех местах жертвенные овечки многочисленны и легкодоступны, и поэтому для начала массовых жертвоприношений никто не ждет начала наступления русских. Речь там идет уже не о самоубийстве немецкой, а об убийстве чешской и польской наций.

Тем более что две эти разновидности западных славян исповедуют как раз римскую католическую веру, к которой адепты нового арийского божества с недавних пор испыты-

вают особенную нелюбовь. Мол, православные сербы, русские, украинцы, белорусы и те же болгары сопротивляются насаждаемому Третьим Рейхом Новому Порядку из врожденной дикости, а культурные славяне-европейцы – из своей подлости. Они только прикинулись послушными паиньками, но на самом деле затаили за пазухой острый нож, чтобы в самый удобный момент вонзить его в спины истинным арийцам. Кровь людская реками течет с черных алтарей, но злобные недоумки в черных сутанах жрецов СС не понимают, что все их старания сгустить черную атмосферу inferно только увеличивают у их противников стремление священным огнем выжечь эту нацистскую нечисть.

В отличие от так называемого духовно-мистического щита, не имеющего материальной формы и предназначенного исключительно для того, чтобы давить на психику среднестатистических европейцев, вспыхнувшая в ответ благородная ярость имеет вид тысяч новейших тяжелых танков, стремительных самолетов, десятков тысяч стволов артиллерийских орудий и миллионов русских солдат, готовых на смерть драться с воинством Сатаны. Прозвучит приказ, взлетит в небо красная ракета, взревет моторы боевых машин – и беглым огнем, расчерчивая небо сгустками пламени, ударят гвардейские минометы и тысячи тяжелых орудий. Русский «паровой каток», которым когда-то пугали Европу горе-пропагандисты, непосредственные предшественники херра Геббельса, при большевиках обрел вполне осязаемый вес мил-

лионов тон высокосортной стали и тяжкую мощь десятков тысяч моторов отечественного производства. И все это с лязгом и грохотом двинется вперед, имея своей целью окончательное решение арийского вопроса.

На той стороне фронта тоже чувствуют это напряжение изготовившейся к решающему прыжку военной машины, – чувствуют и боятся того неизбежного, что произойдет после того как изготовившийся к рывку русский медведь наконец получит команду «фас» от своего ужасного господина, усы и трубка которого известны всему миру. Тяжкая пелена inferно, сгустившаяся над обреченной Германией, давит не столько на осадившие ее большевистские орды, сколько на самих немцев, усугубляя их понимание бессмысленности и безнадежности любого сопротивления.

«Пока ты сидишь здесь, в окопе, – шепчет в уши последним немецким солдатам бесплотный голос, – в твой дом, быть может, уже входят черные жрецы, чтобы увести с собой твою жену, сестру, мать или дочь...»

Евровейска испытывают сомнения по другому поводу. Родина французов, бельгийцев и голландцев стремительно ускользает из-под власти Рейха. Высадившиеся на средиземноморском побережье Франции войска большевиков, распространяются на север как пожар. Ведомство Геббельса орет о «страшных зверствах русских большевиков», но потребителям патентованной лапши на уши давно известно, с каким мастерством обитатели здания по адресу Вильгельм-

плац 8-9 умеют переключать свои грехи с больной головы на здоровую. Даже сама их новая религия с ее человеческими жертвоприношениями от начала до конца есть одно большое зверство. Раньше этих людей сдерживал страх, что в случае их перехода на сторону русских репрессиям подвергнутся их родные и близкие, остающиеся во власти злобного упыря. Но теперь, когда пало самодельное государство Петена¹, а оккупационные войска в панике бежали, чтобы укрыться за линией Зигфрида (чего не скрывает даже сам Геббельс), этот страх больше не может удерживать европейские, в основном французские, войска в повиновении.

Дополнительно особо сильные переживания испытывал личный состав фраубатальонов и формирований фольксштурма. Первоначально задуманные как вспомогательные добровольческие формирования, эти части, по мере того как Третий Рейх истекал кровью, были вынуждены играть все более важную роль. Они боялись всех сразу. Ужасных русских – потому что те, если верить заявлениям Геббельса, идут в Германию, пылая стремлением убить всех немцев, сжечь города, вырубить леса, а поля засыпать солью, чтобы

---

¹ Сам маршал Петен не считал свое «Французское государство» правопреемником Третьей Республики. Об этом же говорили атрибуты этого государства. Девиз: «Труд, Семья, Отечество», вместо «Свобода, Равенство, Братство» и гимн: «Маршал, мы здесь!», вместо «Марсельезы». И не имеет значения, что власть Петену вручили законно избранные депутаты еще довоенного Национального собрания – к международно признанной Франции это образование никакого отношения не имело.

на них не росло ни травинки, ни былинки. Но еще больший страх им внушали «свои» – черные жрецы СС, при первой возможности готовые принести их в жертву своему арийскому богу. Малейшая нелояльность, болезнь или ранение – и, исходя из логики фюрера, провозгласившего самоубийство нации, их, обнаженных, бросят на заляпанный кровью алтарь, чтобы, вскрыв острым ножом грудную клетку, вытащить на свет божий трепещущее сердце. А от этого умирают. Да и не были эти женщины в своем большинстве фанатичными нацистками-сатанистками, и при первом удобном случае поминали не нового арийского бога херра Тоффеля, а старого доброго господя нашего Иисуса Христа и мать его Деву Марию. И вот мир их рухнул в прах, а сами они оказались меж большевиками и черными жрецами, как между Сциллой и Харибдой.

Поэтому, зная низкую надежность и боевую ценность и евровойск, и фраубатальонов, и фольксштурма, германское командование выставило их в первую линию обороны – именно она при начале русского наступления неизбежно подвергнется уничтожающему удару первоклассной русской артиллерии. К этому «гениев» из ОКХ (вроде Кейтеля) вынудили ужасающие потери предыдущих операций, после которых уцелевшего кадрового состава банально не хватало для того, чтобы заполнить линию фронта. Особенно эпично смотрелся двойной котел, похоронивший внутри себя группу армий «Центр» и деблокирующую группировку.

Тогда некоторым в Берлине казалось, что вот-вот «Вестник Смерти» рванется к Берлину во главе своей орды, чтобы согбенный бургомистр вынес ему ключи от древней германской столицы.

Из боеспособных частей состояли войска второго эшелона, которым и предстояло выдвинуться к обозначившемуся месту прорыва и завязать настоящее сражение. Это были остатки кадровых войск вермахта, сумевшие все же отступить на север хорватские солдаты, итальянские чернорубашечники, британцы, верные королю Эдуарду Восьмому, а также части ваффен-СС всех мастей. В генерал-губернаторстве в этом сложносочиненном наборе отдельных формирований численностью от полка до роты, имеющих, как считалось, приемлемую боеспособность, присутствовали перешедшие на сторону немцев отряды польской Армии Крайовой, командиры которых до зубовного скрежета ненавидели русских во всех их видах: и имперских, и советских. Хоть вместе с Гитлером и с паном Сатаной – абы против москалей.

Поскольку такая картина сложилась далеко не вчера, информацию о германской хитрости получили и на советской стороне фронта. При этом было известно, что в первой линии имеются лишь отдельные кадровые подразделения, которые должны обеспечивать минимальную боевую устойчивость, да еще за спинами этого пищащего сброда маячили заградотряды с пулеметами, которые покروشат бегущих фрау и сопляков, если на жертвоприношения по всем правилам

просто не будет времени. Даже Жуков, который в бою не щадил ни своих, ни чужих, от такого авангардизма Кейтеля с Гитлером только крутил у виска пальцем. Советское государство, даже находясь на грани гибели осенью сорок первого года, перед битвой за Москву не гребло повально на фронт школьников и домохозяек, и уж тем более не превращало части народного ополчения в предназначенные на заклание жертвы.

Но товарищ Сталин ничему не удивился и даже не озадачился. Еще осенью прошлого года, когда Гитлер только-только официально свернул на кривую дорожку сатанизма, вождь советского народа, говоря современным языком, «поставил задачу просчитать в новых условиях модель дальнейшую поведения германского руководства вообще и лично Адольфа Гитлера». С одной стороны, и до введения культа «истинно арийского божества» идеология нацизма отличалась от кондового сатанизма только использованием фразеологии из древнегерманского героического эпоса. Так что «новые» условия казались не такими уж и новыми. Просто с завалированного прежде безобразия сдернули фиговый листок. С другой стороны, как в разное время и разными словами Сталину говорили товарищи Османов и Бережной, «бессмысленно пытаться предсказать поведение дважды контуженного, травленного газами, полусумасшедшего непризнанного художника».

Но совсем скоро, сразу после Минской трагедии, эта ра-

бота приобрела первоочередное значение. Для начала советское командование учло, что для нацистов-сатанистов вполне допустимо и даже желательно массовое убийство гражданского населения, причем не путем массовых бомбардировок, когда палачи даже не видят жертв, а, так сказать, глаза в глаза. Поэтому попытки нацистов повторить и расширить опыт Минска в Париже натолкнулись на заранее подготовленное противодействие – как со стороны местного Сопротивления, так и воздушно-десантных частей и ВВС РККА. Но этого было мало, ибо, как правильно заметил советский вождь (правда, немного по другому поводу), «без теории нам смерть». Как и кучу других дел, этот вопрос спихнули в ведомство товарища Берии, а тот поручил курировать новый спецотдел комиссару третьего ранга Антоновой. Не болтунам же из ЦК поручать такой серьезный вопрос. Когда все будет готово, материалы оформят в виде теоретической работы по научному коммунизму, Сталин поставит под ней свое имя; все остальные окажутся соавторами – и пусть только кто-нибудь попробует ее оспорить.

Ради проработки этой теории из Норильлага даже извлекли недосидевшего свой первый срок будущего историка Льва Гумилева. Прежде чем принять решение о его судьбе, Вождь выделил в рабочем графике пару часов для личной беседы. Конечно, на тот момент этот тридцатилетний молодой человек, считающийся сыном расстрелянного монархиста и фрондирующей опальной поэтессы, еще не был ни маститым

ученым, ни создателем пассионарной теории этногенеза, но итогом этого разговора стал перевод молодого дарования на новую работу «по специальности» с попутным самообразованием. Если голова на плечах служит не только для того, чтобы в нее есть, то недостаток знаний можно наверстать, а если нет, то не помогут и три высших образования. Товарищ Гумилев, разрабатывая эту тему, к началу лета сорок третьего года уже успел заработать пересмотр своего дела с отменной приговора (от начала и до конца все было шито белыми нитками) а также пометку в документы на Лубянке, что этого человека можно беспокоить только после разрешения с самого верха. А то повадились, понимаешь, некоторые подчиненные Лаврентия Палыча, вскормленные палочной системой, хвататься за нитки, ножницы и клей – шить дело, едва прочитав в анкете, что отец этого достойного человека был расстрелян за участие в антисоветском заговоре.

Итак, ничему не удивившийся товарищ Сталин после совещания в узком кругу с Лаврентием Берия, Начальником Генштаба штаба Василевским, генералом Бережным и комиссаром ГБ Антоновой отдал приказ, чтобы на тех участках фронта, где немцы практикуют такое безобразие, артподготовку по первой линии траншей только имитировали. При этом основную мощь советского Бога Войны требуется обрушить на вскрытые авиаразведкой (в том числе и при участии знаменитой авиаэскадры ОСНАЗ) боеспособные резервы гитлеровцев, артиллерийские батареи, узлы связи и шта-

бы. А вот на первой линии вражеских окопов по очагам сопротивления должны точно работать штурмовые артсамоходы при поддержке саперно-штурмовых подразделений. А если сопротивления нет, то и убивать никого не надо. Пусть сдаются в плен. С одной стороны – нечего изводить гаубичные снаряды и залпы гвардейских минометов на нервных баб и сопливых мальчишек, а с другой – после окончания войны в этом мире Германия в любом случае станет частью Советского Союза, так что чем больше останется в живых раскаявшихся в злодеяниях немцев, тем более ценным выйдет это владение. Да и просто по-человечески – ну их, пусть себе живут.

До решающего момента, когда взлетит красная ракета и на участках фронта, предназначенных для прорыва, начнется артподготовка, оставалось лишь несколько минут...

15 июня 1943 года. около полудня, Третий Рейх, провинция Остмарк, Вена, штаб армейской группы «Остмарк».

Командующий группой генерал-лейтенант Лотар Рендулич.

Большевики, как всегда, начали наступление за час до рассвета. Удары на подчиненные мне войска обрушились сразу в четырех местах. Кроме прочего, это значило, что подвижные группировки большевиков к тому моменту уже стояли с прогретыми моторами в непосредственной близости

от фронта, готовые рвануть в прорыв, едва только их пехота возьмет третью траншею. К этой наглости – входить в прорыв буквально по головам собственной пехоты – их еще год назад научил Крымский Мясник, и до сих пор они пользовались этим приемом с неизбежным успехом. Но на этот раз мы думали, что подготовили этим нахалам неприятный сюрприз в стиле их прошлогодней летней обороны. В первую линию, на которую и должна была обрушиться вся ярость большевистского удара мы поставили всякий сброд: вроде французских еврочастей, австрийских фраубатальнов и фольксштурма, подкрепив их прикованными к пулеметам смертниками-штрафниками.

Некоторые могут спросить, что я думал, когда обрекал на смерть беззащитных немецких женщин и детей, не ощущал ли я каких-нибудь особенных угрызений совести. Так вот – могу сказать, что мне на них было просто наплевать². Да и почему я должен испытывать к ним какие-то сентиментальные чувства, ведь по происхождению я не немец, а хорват. Эти бабы и сопляки, напуганные так, что вызывали у меня острое чувство экстаза, должны были умереть для того, чтобы выжили настоящие солдаты, которые и в самом деле смо-

---

² В нашей версии реальности генерал Лотар Рендулич, помимо военных преступлений на территории Югославии, отметился зверствами против мирного финского населения в то время, когда Финляндия вышла из войны с Советским Союзом и объявила ее Третьему Рейху. Ему и в самом деле было все равно, какое мирное население истреблять, сербское или финское, даже несмотря на то, что финские женщины и дети еще днем ранее считались немецкими союзниками.

гут дать отпор врагу. Если бы у меня была возможность, я бы сам произвел экзекуцию над этим сбродом, получив истинно арийское удовольствие. Как сказал фюрер: не тот настоящий ариец, в чьих жилах течет немецкая кровь, а тот, кто не испытывает жалости ко всякого рода слабым и убогим. Единственный человек, благополучие которого меня волнует, это я сам³. Поэтому хорошо, что год назад во время грандиозного сражения на Восточном фронте меня там не было. Югославия, несмотря на всех ее пробольшевистских бандитов, после России просто курорт. В противном случае меня сейчас уже ничего бы не волновало. Покойники – люди неприязнительные. По ту сторону жизни и смерти им нужен только покой.

Но вернемся к нашим фронтовым делам. Большевики нас жестоко обманули, и вся тяжесть их артиллерийского удара на направлениях прорыва пала как раз на вторую линию обороны, где были сконцентрированы самые боеспособные войска. Русским каким-то образом стало известно обо всех подробностях устройства наших позиций, о местах расположения артиллерийских батарей, о запасных районах, где сконцентрированы резервы, а также о расположенных на некотором удалении от фронта скрытых позициях тяжелых панцер-батальонов, которые, действуя из засад, должны были сильно

---

³ Фаза суперэгоизма – обязательный этап, который проходит душа человека, обратившегося ко Злу, на пути превращения в ничего не значащий придаток Нечистого.

замедлить темп вражеского наступления. Грохот канонады артподготовки, перепыхивающей наши позиции, в предугрошенной тишине был слышен даже в центре Вены – глухое ворчание голодного и очень злого зверя... Там, куда не доставала большевистская артиллерия, даже морские орудия, установленные на железнодорожных платформах, большими группами действуют их пикирующие бомбардировщики, изрядно разрыхлившие наши тылы. Так и в самом деле поверишь в злобного еврейского бога, нашептывающего наши тайны прямо в уши большевистским командирам. Вспоминая, как мы действовали два года назад во время вторжения в большевистскую Россию, вынужден признать, что мы сами на свою голову научили русских всем этим премудростям – и теперь, когда сила не на нашей стороне, они этим успешно пользуются.

А с первой линией русское командование поступило до предела просто. Пока в глубине нашей обороны гремела артиллерийская канонада, передний край на направлениях главных ударов большевиков атаковали их штурмовые части; при этом их действия прикрывали такие чудовищные артсамоходы с пятнадцатисантиметровыми пушками, что наши «Штуги» по сравнению с ними кажутся просто детенышами. Разгромив тяжелыми фугасными снарядами опорные пункты штрафников и перебив всех, кто мог и хотел оказать сопротивление, русские штурмовые части почти беспрепятственно преодолели все три нитки окопов и вышли на распо-

ложенные между первым и вторым рубежом позиции заградительных пулеметных команд. Ну и что могли сделать пулеметчики ваффен-СС, когда вместо неуправляемого бегущего сброда против них вышли одетые в тяжелые бронированные жилеты русские штурмовики, поддержанные хорошо бронированными шестидюймовыми самоходными орудиями? Правильно – ничего.

Как показали последующие события, против этих чудовищ оказались бессильны даже новейшие танцы «Тигр» и «Пантера», которых у нас, впрочем, совсем немного. Как тут не пожалеть о двух полностью укомплектованных тяжелых танцербатальонах, которые, находясь в эшелонах направляющихся на помощь нашим войскам, сражающимся под Дебреценом, были застигнуты советским наступлением и стали добычей прорвавшихся большевиков. Впрочем, это случилось несколько позже, а в завязке сражения штурмовики оттеснили остатки расстрельных команд ко второму рубежу обороны, куда еще продолжали падать снаряды русской артподготовки. Что там стало с пушечным мясом, собранным на первом рубеже обороны, я не знаю, но хочется надеяться, что большевики собрали этот сброд в кучу и расстреляли к чертовой матери. Я бы на их месте именно так и сделал, только, возможно, перед этим разрешив своим солдатам поразвлечься с самими симпатичными козочками.⁴

---

⁴ В этой версии реальности промышленные возможности Третьего Рейха были значительно скромнее, чем в нашем прошлом, чему способствовали как то-

Вторая фаза сражения началась с того, что большевистские орудия перенесли огонь на фланги будущего прорыва, пресекая возможность захлопнуть намечающийся прорыв, а потом на разрушенные окопы в атаку сплошными волнами пошла большевистская пехота. Уцелевшие при артподготовке очаги сопротивления при этом сразу же подавлялись тяжелыми артсамоходами и такими же самоходными минометами особо крупного калибра, способных с двух-трех выстрелов уничтожить любой дзот даже самой мощной конструкции. А о расположении таких оборонительных сооружений, как оказалось, была прекрасно осведомлена большевистская разведка. Наверное, эти русские монстры могли бы справиться даже с железобетонными укреплениями, да только вот построить их у нас не было времени. Слишком стремительно большевики пробежались по Венгрии, в то время как мы думали, что у нас еще есть время, пока войска постепенно будут отходить с рубежа на рубеж. Дебрецен, Будапешт, Балатон – при грамотном подходе эту территорию можно было бы разменять на полгода времени и миллион русских солдат. Но генералы Сталина не захотели меняться, они нагло обвели нас вокруг пальца и сгребли со стола весь

чечные удары по промышленным объектам, так и прекращение поставок осенью сорок второго года норвежского никеля, турецкого хрома, шведской железной руды и шведских же шарикоподшипников. Танков «Тигр» вместо двухсот сорока к началу июня было изготовлено всего семьдесят штук, а танков «Пантера» вместо четырехсот – всего около сотни. И многие из этих машин к началу операции «Суворов» были либо уничтожены в боях, либо захвачены Красной Армией.

банк.

И тут я подумал, что железобетонные оборонительные сооружения в большом количестве имеются на линии так называемого Западного вала – именно на его рубеж отошла наша армия из Франции, бросив на произвол судьбы даже Эльзас и Лотарингию. Фюрер надеется на эти укрепления как на непреступную стену, ибо русским будет сложно доставлять на Западный фронт резервы вокруг всей Европы, а мобилизованные в его армию французы покажут крайне низкую боеспособность. Но теперь я думаю, что все будет совсем не так. Русские способны взломать Западный вал совершенно незначительными силами, только за счет качественного превосходства. С войсками, держащими оборону, там, насколько я понимаю, даже еще хуже, чем тут, на востоке, и надеяться там можно только на местный фольксштурм, который ляжет костями, но не пропустит большевистские орды вглубь немецкой территории.

Впрочем, зачем большевикам прорывать Западный вал, когда фронт у нас трещит уже здесь на всех четырех участках. Еще один решительный натиск русской пехоты и штурмовых частей – и они почти везде прорвут последний третий рубеж, который как тоненькая ниточка отделяет нас от красного потопа. Чтобы войска не попали в окружение на тех позициях, что они занимают сейчас, необходимо немедленно командовать отход, но связи нет. В радиозэфире уже час сплошные помехи, телефоны молчат – обрывы на линии.

ях, в части с письменными приказами направлены курьеры на машинах, мотоциклах и даже велосипедах, но ни один из них еще не вернулся, чтобы доложить о выполнении задания. Связь есть только с частями, непосредственно находящимися на направлении вражеского удара, а все потому, что там от линии фронта в тыл течет непрерывный поток раненых, а в обратном направлении движутся наши последние резервы. Но и то такие пути сообщения подвергаются регулярным артиллерийским обстрелам и авиационным налетам, и курьеры гибнут от бомб и снарядов.

Поговаривают, что у нас в тылу действуют русские диверсанты, переодетые в форму солдат вермахта или даже СС. Они все хорошо владеют немецким языком и имеют облик, соответствующий идеальному виду стопроцентного арийца. Возможно, это русские эмигранты, жившие в Германии после их революции, а может, русские немцы, которым Сталин объявил амнистию, если они помогут ему поскорее прикончить наш Третий Рейх. Они убивают курьеров и посыльных, режут телефонные линии связи, захватывают важных пленных, а иногда даже охотятся за вражескими командующими, будто это какие-нибудь кабаны. Говорят, что подделку не удается обнаружить, даже если жертва приближается к своему убийце на удар ножа. По крайней мере, те курьеры, которых удалось обнаружить поисковым командам, были убиты прямым ударом ножа прямо в сердце.

Единственный выход из этого положения – в том, чтобы

приказы в войска отправлять под охраной отделения или даже взвода солдат. Тут, на Венском направлении, под Хойнбургом и Айзенштадтом, где расстояния невелики, это действительно может сработать, и курьеры, объехав штабы дивизий, еще до наступления темноты передадут их командирам распоряжение спешно отступить по направлению к Вене. И сделать это надо как можно скорее: еще немного – и будет поздно. Большевики наконец прорвут фронт, введут в прорыв свои подвижные соединения – и тогда отступающие части будут либо отброшены в сторону от Вены, либо стоптаны на марше гусеницами вражеских панцеров. Если наши части сумеют продержаться хотя бы до вечера, то войска, обороняющие на центральном участке фронта, смогут отойти в Вену, чтобы занять оборону на ее окраинах. В противном случае биться за город придется исключительно местному фольксштурму, рабочим батальонам и венским шуцманам, на случай прорыва большевиков сведенных в пехотную бригаду, плюс небольшое количество артиллерии и панцеров из резерва – и на этом силы обороны будут исчерпаны.

Но такова обстановка здесь, под Веной. Я не знаю, что мне делать с дивизиями, расположенными далеко на флангах. Им тоже следует отдать приказ об отступлении, но в разумные сроки туда не успеет ни один курьер. Я даже не могу послать связные самолеты, потому что в воздухе господствует вражеская авиация и любой германский самолет, поднявшийся в воздух, будет немедленно сбит. Информация из-под Угер-

ского Брода на севере и Лейбница на юге перестала поступать еще два-три часа назад, и совершенно непонятно, какова там обстановка, где находятся наши части, а где противник. Два года назад мы точно так же гоняли тогдашних большевистских генералов, которые без разведки и связи были беспомощны как слепые щенки, в то время как наши танцгруппы кромсали русские армии так, как им было угодно.

Теперь роли поменялись. Русские генералы сейчас имеют все, что угодно их душе: и разведку, и связь; на них работают чудовищные самолеты посланцев извечного врага нашего арийского бога, приказы их главнокомандующего исполняются мгновенно и точно в срок, а силы, которые он бросил против нашей армейской группы «Остмарк», просто не поддаются исчислению. С западного направления, прямо в лоб, нас атакуют пять полевых (*общевойсковых*) советских, одна болгарская и три механизированных (*мехкорпуса ОСНАЗ*) армии генерала Конева. Но это еще не все. Одновременно с Коневым с юга перешли в наступление три полевых советских, одна югославская и одна бронекавалерийская армии генерала Ватутина. Все вместе – это миллион (или даже два) натренированных и заматеревших в двухлетней войне убийц, тысячи танцеров и самолетов, а также десятки тысяч артиллерийских орудий! Город будет разрушен до основания, стерт с лица земли, а все его жители – жестоко убиты русскими солдатами, пришедшими сюда мстить за свои разрушенные и сожженные города, вытопанные поля, убитых

родных и близких.

Одна половина меня хочет кричать: да как эти унтерменши только посмели помыслить о таком, поднять оружие на своих природных господ из числа истинных арийцев?! Другая же половина признает, что сокрушившие нас русские – кто угодно, только не унтерменши. Они успешно притворялись недоумками и деревенскими недотепами, на самом деле таковыми не являясь, и тем самым заманили нас в самую сердцевину России. Маски были сброшены только тогда, когда мы влезли в это дело столь глубоко, что отступить в порядке и спасти Германию было уже невозможно, даже пожелай этого сам фюрер. Недотепы и увальни оборотились в хладнокровных и умелых бойцов, и чем дальше шло время, тем сокрушительнее становились их удары. Мне ли не знать, что после каждого их наступления Рейх в буквальном смысле трещит по швам. Резервы исчерпаны, закончились даже казавшиеся бесконечными евровойска.

Ту армию, настоящую во всех смыслах, что была у нас еще год назад, сожрал беспощадный Восточный фронт. От былой роскоши осталось не больше двух миллионов немецких солдат кадрового состава, разбавленных еще двумя миллионами разного сброда. Не станет армейской группы «Остмарк» – большевики расчленят ее, после чего окружат и уничтожат отдельные куски, после чего драгоценный боевой состав вермахта сократится еще на полмиллиона солдат и офицеров, которых не восполнить никаким фольксштурмом. Мы гре-

бем в армию нервных баб и двенадцатилетних мальчишек и девчонок, тем самым только затягивая агонию. Иногда меня одолевает побуждение самому сжечь свою страну, чтобы она не досталась врагу, при этом убив всех ее жителей, а иногда я готов сражаться за то, чтобы этого не случилось. Но я уверен, что в последнем случае никто из германских солдат не станет выполнять мои приказы, ибо немцы пока еще верят в гений нашего фюрера. Я не знаю, сколько еще таких ударов потребуется для окончательной гибели немецкого государства, но думаю, что все кончится еще в нынешнем году.

15 июня 1943 года. Семь часов вечера, Второй Украинский фронт, полоса прорыва мехкорпуса ОСНАЗ генерала Ротмистрова, 45 километров южнее Вены, перекресток дорог в 4-х километрах от австрийского городка Айзенштадт.

Гвардии капитан РККА Семен Васильевич Листьев, командир батареи штурмовых артсамоходов ИСУ-152.

Сейчас, когда совместными усилиями авиации, артиллерии, матушки пехоты и штурмовых частей фронт наконец оказался прорван, можно остановиться и осмотреться по сторонам. Дело сделано: в последнем бою мы сбили последний вражеский заслон и открыли дорогу для наступления. Как раз у этого перекрестка в глубоких капонирах заняла позицию тяжелая танковая рота СС: три тяжелых танка «Тигр»

и шесть легких самоходок вроде нашего «гололопого Фердинанда». Подставь мы им борта – и дело было бы плохо. А в лоб (спасибо конструктору товарищу Шашмурину) даже «Тигр» возьмет ИСУ-152 не более чем с трехсот метров. Но дело было совсем не так, что мы перли на засаду в лоб, а они в нас стреляли. Сначала засаду обнаружили летуны. Да и немудрено это – перекресток дорог так и просится для того, чтобы тут засели нехорошие люди, а потому воздушная разведка обратила на него особое внимание.

Видимо, наблюдатель высотного разведчика и в самом деле обнаружил что-то более чем подозрительное, потому что когда мы уже были на подходе, по данному перекрестку дорог ударили, мешая засаду с дерьмом, железнодорожные транспортеры с двенадцатидюймовыми морскими орудиями. Всего несколько снарядов, но каков эффект! По крайней мере, стоящий «на ребре» тяжелый танк, перевернутый взрывом, мне до этого видеть не приходилось. А ведь немчики старались: занимали позиции ночью, маскировались, в буквальном смысле заматали следы – и вот каков результат. К началу боя вражеская засада уже понесла серьезные потери. Один «Тигр», лежа на боку, оказался вне игры, еще у одного заклинило осколком башню⁵ (о чем мы узнали только после боя), четыре легких самоходки разбило в хлам (много

---

⁵ «Тигры» первой серии не имели на корпусе защитного бронекольца, прикрывающего стык башни и погона корпуса, в результате чего любой осколок или мелкокалиберный снаряд, попавший в этот зазор, намертво клинил башню. Это была одна из самых ругаемых немецкими танкистами особенностей этой машины.

ли надо хлипкой конструкции на шасси дерьмового легкого чешского танка), и еще одна была частично ремонтпригодной, но времени у немцев на возню с ней уже не было.

Кроме всего прочего, взрывы морских снарядов посрывали всю вражескую маскировку и зажгли четыре чадных бензиновых костра, заметных издалека. Помог нам и ходящий кругами над полосой прорыва высотный разведчик, для которого немецкая засада оказалась как на ладони. А дальше – простая арифметика: расстояние до противника – полтора километра, шесть стволов в шесть дюймов против одного в восемьдесят восемь миллиметров. Еще один «Тигр» мог стрелять только в том случае, если одна из наших машин случайно оказывалась прямо на директрисе его выстрела (правда, тогда мы этого не знали); самоходка же из-за большой для себя дистанции и вовсе выбывала вне игры. Но мы ее замочили – просто на всякий случай, во избежание негативных нюансов. После короткой пристрелки, с третьего раза, машина старшины Носкова точно уложила в ее капонир гаубичную осколочную гранату. Вспышка взрыва, черное облако дыма от сгоревшего аммотола, разлетающиеся во все стороны обломки и чадный бензиновый костер – и привет Шишкину! Нам эта кусачая стерва сделать ничего не могла, а вот для штурмовиков, которые, спрыгнув со своих американских грузовиков и растянувшись в редкую цепь, пригнувшись, потрусили к вражеским позициям, ее осколочные снаряды представляли серьезную опасность.

Пока Носков разбирался с самоходкой, остальные пять машин взяли в оборот «Тигры». Сначала короткая пристрелка для уточнения дистанции, а потом – состязательная стрельба на поражение: сначала по тому «Тигру», что интенсивно от нас отплевывался из своей пушки, а затем и по тому, который вел себя скромно. Машина старшего сержанта Кубикова получила удар в середину наклонного лобового листа, слева от маски пушки: немецкий снаряд раздробил сменную металлокерамическую плитку дополнительной защиты и, оставив глубокую борозду в верхнем слое брони, ушел в небо на рикошет. Это не считая близких разрывов, которые для тяжело бронированных артсамоходов – даже меньше чем ничего. Для такой работы эти тяжелые машины и создавали, чтобы с дистанции прямой наводки глаза в глаза шестидюймовым калибром объяснять врагу, насколько он не прав.

Наш ответ гансам, как говорят товарищи из ОСНАЗА, оказался brutальным. Пятидесятикилограммовый морской полубронебойный снаряд, попав в цель под прямым углом, проломил сто миллиметров лобовой брони башни и лопнул внутри вместе с почти не расстрелянным боекомплектом. Ствол орудия, летающий в небесах подобно кинутой вверх городошной бите, впечатлил даже таких выдавших виды людей как наши штурмовики. Сам же я всей картины во всем ее многообразии так и не узрел, потому что поле зрения командирского перископического прибора весьма ограничено.

Потом так же дружно, но на этот раз без особых спецэффектов, мы запинали второй «Тигр». И когда он вспыхнул как бочка с бензином, высотный разведчик подтвердил, что больше боеспособной техники на вражеских позициях не наблюдается. Тогда мы строим фронта медленно двинулись вперед, время от времени останавливаясь на «короткую» для того, чтобы выстрелами своих орудий объяснить германским пулеметчикам, что им пора сматывать удочки. Один или два пулеметных расчета мы прижучили полностью, а остальные, вместе с остатками своей пехоты и уцелевшими танкистами, предпочли ретироваться от наших штурмовиков куда-то в сторону от дороги. Бесплезно на своих двоих бегать от входящих в прорыв танков. Устать так можно изрядно, а вот спастись невозможно.

И вот я сижу в командирском люке съехавшей на обочину машины, а мимо нас, по дороге на запад, лязгая гусеницами, бодро мчат танки механизированного корпуса особого назначения генерала Ротмистрова. У них команда – вперед и только вперед; а нам уже завтра, пропустив перед собой эту бронированную лавину, предстоит поддерживать пехоту, которая приступит к зачистке Вены от нацистско-сатанинского отребья. Да-да, именно так: в последнее время замполиты начали нам объяснять, что, согласно марксистско-ленинскому учению, когда идеи овладевают массами, они становятся материальной силой. И верно это не только для коммунистической идеи, но и для той, что является ее прямой

противоположностью. Если мы, советские большевики, сражаемся во имя всеобщего счастья для всех народов, то Гитлер и его подельники хотели счастья только немецкому народу, а остальных собирались утопить в тысячелетнем ужасе, сделав своими рабами или уничтожив вовсе. А от таких идей до поклонения Сатане, то есть чистому злу, всего один шаг. И когда немецкими массами овладела уже эта идея, мир очутился в шаге от такого ужаса, который не мог выдумать ни один воспаленный мозг. Мне ли, человеку, три месяца пробывшему у них в плену, не знать, что они готовили для всего человечества... Одним словом – фашисты. А еще они испугались того, что мы вдруг очень быстро набрали силу и начали их бить. Причем бить смертным боем. Так же, как они летом и осенью сорок первого громили и окружали наши войска, мы уже зимой принялись громить и окружать их. И вот сейчас зрелище проходящего по дороге в плотных колоннах мехкорпуса ОСНАЗ напомнило мне один январский вечер сорок второго года, когда я, только что освобожденный из плена, наблюдал за тем, как в Каховку входит тяжелая танковая бригада полковника Бережного. Эти люди только что разгромили пресловутого Гудериана и были чрезвычайно горды хорошо проделанной работой. Товарищ Ленин верно сказал, что из искры возгорится пламя. Так вот: бригада полковника Бережного на тот момент и была той искрой, из которой вспыхнуло пламя наших побед.

Да и я для этих побед не чужой человек. После освобожде-

ния из плена в числе прочих бывших пленных меня оставили оборонять Каховку до подхода линейных частей Красной Армии. В ходе этой обороны я был ранен и вывезен в Евпаторийский госпиталь на излечение. После лечения и прохождения окончательной проверки меня направили в войска командиром огневого взвода противотанковой батареи. Только на вооружении у нас имелись теперь не сорокапятки, а пушки ЗИС-3, что было уже гораздо серьезнее. Со своей батареей я насмерть стоял летом прошлого года под Белгородом, отбивая одну вражескую атаку за другой. В тыл нас отвели только после того как от батареи осталось всего с десяток человек и ни одного исправного орудия. Однако немцы на нашем участке так и не прошли. За то дело я, не имея ни одной царапины, получил орден «Красной Звезды» и еще один кубарь в петлицы, став старшим лейтенантом. На переформировании остатки нашей батареи, как, впрочем, и то, что осталось от всего полка, обратили на формирование самоходного истребительно-противотанкового артиллерийского полка, укомплектованного ПТСАУ-57, иначе именуемой «Оса».

Именно нашему полку, в числе прочих, прошлой зимой довелось держать оборону под Оршей, когда осатаневшие уже в прямом смысле немцы и пособничающий им евро-сброд буквально толпами лезли на наши окопы в сопровождении устаревших танков, соскобленных в качестве трофеев со всей Европы. В основном это были «французы», но попадались и «англичане». Поле перед нашими позициями

ми оказалось заставлено заиндевевшими обгорелыми коробками и завалено мороженым мясом немецкого, британского, датского, французского и прочего европейского происхождения. Мы, конечно, не танки, но тоже кое-что можем. На машине есть пулемет, пригодный для отбития пехотных атак, а в боекомплекте – осколочные гранаты и картечь. Когда натиск врага ослаб из-за того, что у него кончился запал, наш первый Белорусский фронт сам пошел вперед, – и тут-то меня ранило во второй раз. Думал, не выживу, но все обошлось, хотя провалялся в госпитале до весны. Там же меня нашла еще одна награда – орден Ленина и капитанская шпала в петлицы.

«Растешь, Семен Васильевич, – сказал я себе в шутку, – так до конца войны, быть может, генералом станешь или хотя бы полковником».

Именно после того ранения я и попал в формирующийся механизированный штурмовой батальон командиром артсамоходной батареи. Участвовал в прорыве фронта в Карпатах, после чего своими глазами наблюдал Словацкое национально восстание против немцев, продвигаясь по следам напропалую рвущихся вперед мехкорпусов ОСНАЗ. Работы по специальности при этом у штурмовиков не было, ибо словацкая армия целиком и полностью перешла на сторону Антигитлеровской коалиции и то же самое совершали многие венгерские части; железнодорожные и саперные батальоны новой венгерской армии уже всю трудятся в наших тылах,

обеспечивая нашу общую победу. Потом наш батальон вместе с другими частями усиления находился в ближнем тылу наших войск (на случай необходимости парировать вражеский контрудар), и одновременно с тем готовясь к следующему прорыву линии фронта.

Особенно нас озадачил приказ командования брать передний край противника одними штурмбатами, почти без артподготовки и с пехотой, свернутой в походные колонны. Развернуться в боевые порядки «царица полей» должна была уже перед вторым рубежом обороны, по которому с самого начала и будет вестись артподготовка. Как говорил один мой знакомый по госпиталю в Евпатории, «авангардизм в чистом виде – парад одноухих художников». Причину таких указаний командования мы поняли только когда дошло до дела. Первая линия обороны оказалась профанацией. Три линии жиденьких окопчиков, кое-где усиленные так называемыми «опорными пунктами», из которых самыми мощными сооружениями были дзоты в три наката. В опорных пунктах сидели штрафники, которые и вели боевые действия, а окопы между ними были заполнены самыми отъявленными бабскими частями, по-немецки именуемыми фраубатальонами. Им даже пулеметов не выдали, только карабины восьмьдесят восьмого года под патрон с тупоконечной пулей. Древность ужасная и патронов всего по одной обойме на винтовку. А может, так и задумывалось, потому что воевать за своего фюрера и фашистскую партию эти фрау и фрой-

лайн не хотели совершенно.

Нет, на политинформациях замполиты нам, конечно, говорили, что у Гитлера настолько съехали мозги от страха поражения, что он начал массово грести в вермахт своих фрау и фройляйн... Да только мы представляли себе это как-то по-другому: наверное, как царские женские ударные батальоны смерти из фильма «Ленин в Октябре», или как наших девушек-зенитчиц... Одним словом, выходило, что служить в этих фраубатальонах должны белокурые идейные нацистки в облегающих черных мундирах – подтянутые, холеные, которые с именем Гитлера ложатся, и с его же именем встают.

А оказалось... глаза бы мои на это не глядели... Остриженные наголо, в форме на два-три размера больше, какие-то унылые, грязные и помятые, бросив свои карабины, они полезли навстречу нам из окопов, судорожно сжимая в руках смятые бумажки листовок типа «пропуск в плен». Это были не люди, а какие-то дрожащие тени, лишь отдаленно напоминающие женщин; жалкое зрелище... Даже защемило как-то внутри – это все наша русская душа, мгновенно преисполняющаяся сочувствием к поверженным и кающимся... В мрачном молчании мы смотрели на бредущие к нам фигуры и, хоть убей, не испытывали к ним ни малейшей ненависти, хоть они и считались нашими врагами. Правильно говорил батальонный замполит товарищ Гвоздев: «первая жертва Гитлера это сам немецкий народ».

Итак, выходило, что, пока мы давили огнем ожесточенно

огрызающиеся опорные пункты штрафников, наша артиллерия все же вела жиденький обстрел первой полосы обороны; да только снаряды были исключительно агитационные – то есть с этими самыми листовками-пропусками, которые обещали этим фрау жизнь, хорошее обращение, медицинское обслуживание и хорошее питание. И этот прием оказался, к моему удивлению, довольно эффективным. Немцы в сорок первом году тоже регулярно забрасывали нас подобными бумажками. Только в их листовках все от начала и до конца было чистейшим враньем, состоящим из громких слов, которые никто и не собирался претворять в жизнь; а в наших все, от начала и до конца – святая истинная правда. А правда всегда несет в себе некий незримый заряд, – и именно поэтому эти женщины так крепко их сжимали, держа над головой – в этих маленьких мятых бумажках заключалась вся их отчаянная надежда на спасение, все их возможное будущее, означаемое одним словом: «жить».

И еще в этот момент я наглядно понял буквальный смысл выражения «пушечное мясо». Это такие вот «войска» – беспомощные, как овечки, по замыслу вражеского командования, предназначенные для умерщвления снарядами наших орудий. Не жалко – ведь толку от них в бою нет никакого... Живой щит – и не более. Эх, нацистские болваны... сколько раз им повторять, что мы с женщинами и детьми не воюем!

Мы жестами показали этим дамочкам, что им следует топтать в тыл: там их ждет все хорошее, в первую очередь баня и

кормежка. Сами же двинулись вперед, занимая освобожденную территорию, и очень скоро в упор наткнулись на престранную композицию. Открыто стоящие пулеметы... черная форма на солдатах и... то, что, по рассказам замполитов, должно было представлять собой те самые походные алтари для человеческих жертвоприношений. Вот что ждало этих женщин, если бы они побежали не навстречу к нам, а в сторону «своих».

«Здрасьте! – сказали мы. – Осколочной гранатой заряжай! Наводи! Огонь!»

И так – столько раз и до тех пор, пока уцелевшие черные не побежали, бросив свои погремушки. Мы же не спеша двинулись за ними следом, чтобы выйти на основной рубеж обороны, который на тот момент как раз плотно обрабатывала советская гаубичная артиллерия. Когда артподготовка закончилась, мы немного поустраивали недоделки массового пошива, в меру сил помогая пехоте в ее нелегком фронтовом труде, а потом двинулись дальше. Впрочем, ту историю я уже упоминал.

Кстати, уже сейчас, когда мы пропускаем мимо себя входящий в прорыв ОСНАЗ, между нашими бойцами и командирами зашел довольно-таки приторный, то есть фривольный, разговор по поводу того, что будет с этими немками после того как все кончится. То, что их не убьют, не изнасилуют и не сошлют в Сибирь, это понятно. Непонятно, что они будут делать в том случае, если стараниями господина Гитле-

ра к концу войны мы будем вынуждены перебить почти всех немецких мужиков. Ведь на войне как на войне. Некоторые мечтатели даже предположили, что каждому советскому герою-орденоносцу будут выдавать по второй немецкой жене, а может быть, даже не одной. Ведь было же, мол, в Германии такое время, когда в ходе тридцатилетней междоусобной войны злобные германские феодалы так сократили мужское население, что еще на полвека Папа Римский разрешил там двоеженство, чтобы народ быстрее восстановился.

А действительно, куда потом их девать, этих немков, когда все кончится? У нас вон тоже потери – и после войны на десять невест будет всего девять женихов, а может, даже и меньше. А тут еще эти...

– Ну, я, положим, однолюб, – говорил мой мехвод ефрейтор Петрович, посасывая трубку-носогрейку, – да и не справлюсь с двумя-то бабами, ну его, мне спокойствие дороже. А большинство-то наших, особенно молодые, пожалуй, и не откажутся... Если все по закону сделают, то все чинно будет, без сраму. Не разврат, стало быть, а необходимость... Нарожают нам русских ребятишек, сами обрусеют – глядишь, и не будет больше никакой Германии, а будет одна большая страна Советский Союз – от окияна до окияна, могучая и прекрасная...

Я, конечно, тоже однолюб, однако свои соображения вслух высказывать не стал, чтоб ребят лишний раз не раззадоривать, однако с той поры нет-нет да и возвращался в этом

мыслям. Все мне хотелось устроить этих женщин, сделать людей из них, настоящих, советских – чтоб жили счастливо и даже не вспоминали обо всех ужасах, на которые они были обречены сошедшим с ума австрийским художником... К немецким мужчинам в форме и при оружии у меня жалости нет, а этих почему бы и не пожалеть...

Тогда же и почти там же, Второй Украинский фронт, тылы 9-й гвардейской армии, неподалеку от венгерского городка Шопрон.

Клара Лангердорф, 25 лет, вдова, бывшая жительница города Вены и домохозяйка, бакалавр исторических наук, а ныне – особа, находящаяся на положении военнопленной.

С той поры как Гитлер начал свою войну за завоевание мира, в моей душе поселился страх. Это был даже не то что страх, а мрачное предчувствие чего-то жуткого и неотвратимого. Не знаю, испытывал ли кто-нибудь еще нечто подобное, но я предпочитала не делиться своими мыслями даже с близкими людьми: казалось, стоит мне рассказать о том, что меня беспокоит – и смутная угроза станет близкой и осязаемой. И я вела себя как все, при этом изо всех сил стараясь заглушить свое беспокойство.

Мужа моего забрали в вермахт уже через месяц⁶ после

---

⁶ В Третьем Рейхе призыв в армию осуществлялся 1 октября каждого года. Польскую кампанию Гитлер планировал провести при помощи армии мирного

вторжения немецких войск в Польшу. Мы поженились в середине августа, а в октябре нам пришлось расстаться – и, как оказалось, навсегда. Поначалу Франк присылал мне бодрые письма с описанием того, как они продвигаются по Франции, Югославии и России; несколько раз он даже отправлял посылки со всяким барахлом... А потом все кончилось. От него долго не было писем, а в феврале сорок второго года пришло извещение о том, что мой муж Франк Лангендорф героически погиб, сражаясь с большевиками за фюрера и Германию. И с этого момента я окончательно поняла, что страшная неотвратимость неудержимо катится на нас, и что невозможно укрыться от нее или остановить. Будто бы мрачная тень нависла над нашей Германией, грозя стереть с лица земли, уничтожить все то, что было нам так дорого.

Это было время, когда победоносное шествие немецких войск сменилось нескончаемой чередой поражений, а в обществе, обычно далеком от военных дел, начали судачить о новом большевистском генерале по прозвищу Крымский Мясник. Место и время появления этого русского генерала примерно совпадало с местом и временем смерти Франка, и в моем представлении два этих события оказались связаны. Этот большевик прямо или косвенно, как и все остальные

времени, а вот перед наступлением во Франции требовалось перейти на штаты военного времени – но так, чтобы Англия и Франция ничего не заподозрили. Для этого в октябре 1939 года планировалось в текущем порядке без объявления мобилизации призвать в армию обученный резерв первой очереди – то есть военнообязанных, прошедших обучение, но еще не отслуживших срочную службу.

русские, оказался причастен к смерти моего мужа, и с той поры я стала бояться уже за Германию. Одно наше поражение следовало за другим, и, хоть в обществе поговаривали, что все это из-за русской зимы, мне не верилось, что летом наше положение облегчится. Я много плакала и молила Господа и Деву Марию спасти мою страну от разрушения, но Всевышний, очевидно, не слышал моих молитв, и лето сорок второго года принесло нашей армии катастрофу. По русской земле на черных конях скакали всадники Апокалипсиса предвещающие нашу гибель и впереди них, главным, был все тот же Крымский Мясник... Тень поражения, павшая на Германию, становилась все плотнее.

С тех пор как погиб мой муж, я много размышляла. И ко мне неизменно приходило какое-то крамольное убеждение, что источником надвигающегося ужаса являются не русские и даже не эта война, а сам наш фюрер. Ощущение неправильности того пути, по которому он нас направил, не оставляло меня ни днем ни ночью...

А потом... потом все то, о чем я беспрестанно думала, начало происходить в реальности – и я, в душе изумляясь и сопротивляясь этому чудовищному абсурду, все же вынуждена была делать то, что предписывалось сверху. Страх висел над нами всеми – страх, превращающий нас в животных, в послушных овец, которые не имеют сил противиться происходящему. Нечто темное, чуждое и нечеловеческое стало вползать в наши души, постепенно лишая воли и разума... Итак,

я потеряла даже право взывать в своих молитвах к Господу! Гитлер провозгласил христианство еврейским культом, принудив немецкий народ поклоняться другому, «истинно арийскому» божеству... И суть этого нового божества для кого не было тайной – имя ему Сатана... Впрочем, фюрер называл его по-другому, пытаясь убедить нас, что это покровитель немецкого народа, который поможет нам победить в этой войне и восторжествовать, став хозяевами всего мира и подчинив себе прочие народы.

За дело воспитания наших душ в свете новых истин взялись уверенно и деловито; подавленное и напуганное стадо даже в мыслях не смело возражать. Всех нас, добропорядочных немцев и немок, в обязательном порядке водили в оскверненный собор Святого Штефана – и там мы, леденея и замирая от осознания реальности происходящего, вынуждены были смотреть на то, как черные жрецы СС острыми ножами режут обнаженных женщин и детей разных низших народов. Они приучали нас к этому, добиваясь того, чтобы мы начали воспринимать это как совершенно обычное и правильное действие, призванное помочь немецкому народу в победе над врагом. Но ничего, кроме ужаса и отвращения, это зрелище во мне не вызвало. Украдкой озираясь вокруг, я замечала, что люди смотрят на все это расширенными остекленевшими глазами, на самом деле не желая все это видеть; но некоторые – немногие – уже окончательно смирились и приняли эту новую религию, и в их глазах тлели адские ис-

кры разгорающегося фанатизма...

Но моя душа была осквернена. Первый раз побывав на этой адской мистерии, я потом долго плакала, сидя в ванной, пытаясь избавиться от обволакивающего ужаса, который, казалось, намертво прилип к моей коже. Но мне это не удавалось. Разумом своим я осознавала, что дух мой отчаянно сражается с темной силой, пытающейся его захватить и поглотить без остатка. Силы были неравны, и я с тоской понимала, что однажды сдамся...

В газетах про эти жертвоприношения писали, что они способствуют созданию духовно-мистического щита, оберегающего территорию Германии от вторжения злобных большевиков, нас убеждали, что все это необходимо. Но стук копыт коней Апокалипсиса был все ближе, и никакие жертвоприношения не могли замедлить их.

Я все чаще думала о том, что будет, если большевики все же победят нас. Призрачный свет надежды начинал брезжить в моей душе при этих мыслях. Надежды на то, что тогда, быть может, закончится весь этот ужас и адское божество будет повержено. Но тогда, очевидно, не станет нашей Германии... Ну так что? Моя страна и так уже превратилась в омерзительное гнездо непотребств и мерзостей. Гитлер в своей одержимости зашел так далеко, что уже едва ли мог управлять той силой, которую сам вызвал из глубин Преисподней... Все то, что он затеял, не могло кончиться радостным торжеством, хотя многие и пытались убедить себя в об-

ратном, – что же, им нужно было оправдать все те ужасы, которые, одобряемые законом, происходили на нашей земле.

А тем временем русские уверенно продвигались вперед, и ничто не могло остановить их. На своем пути они крушили все, что было им не по нраву. Все свидетельствовало о том, что они действуют спокойно и продуманно – так, словно ими руководит самая несокрушимая в мире сила. Русский же вождь Сталин представлялся мне опытным медведем, который, прежде чем лезть в сердцевину малинника, к гнезду злых лесных пчел, предпочел сначала объесть все спелые ягоды по краям. И в самом деле: страны, где побывали наши черные жрецы, одна за другой падали в объятия нового господина, ибо большевики казались им меньшим злом, чем новые сатанисты.

И вот настал тот неизбежный день, когда все это коснулось и меня... Весь Рейх праздновал день рождения фюрера. И ко мне пришли и поставили выбор: или я добровольно соглашаюсь обнаженной лечь на жертвенный алтарь вместе с разными там славянками, или так же добровольно записываюсь в формируемый в нашем районе фраубатальон... Онемев и лишь механически кивая, я слушала этих страшных людей, на лицах которых лежала печать Сатаны. Вкрадчивыми голосами, в которых, однако, четко слышалась сталь, они убеждали меня сделать выбор, и их аргументы казались им самим неоспоримыми; да, собственно с ними никто никогда и не пытался спорить. Ведь я, одинокая и бездетная вдова, не

нужная ни мужу, ни детям, просто так прожигаю свою жизнь без всякого смысла, в то время как жизнь эта нужна Рейху. Выбор! На самом деле выбора не было. В любом случае меня ждала смерть. Собственно, я уже давно ожидала этого – и не задумываясь выбрала второе. Ведь, несмотря на то, что душа моя была осквернена присутствием на адских мистериях, внутри себя я все еще сопротивлялась и оставалась настоящей христианкой, не желающей добровольно подносить свою жизнь в дар Нечистому. Пусть лучше меня стопчет своими копытами большевистский всадник Апокалипсиса...

А к тому времени война пришла прямо к моему дому. Большевики, проглотив Венгрию всего за один укус, достойный Гаргантюа, остановились всего в пятидесяти километрах от Вены. С тех пор в воздухе над бывшей столицей Австрийской Империи постоянно, днем и ночью, висел высотный большевистский разведчик, перед которым древняя австрийская столица лежала как беззащитная женщина, распростертая на смертном ложе.

Довольно скоро я убедилась, что фраубатальон – это то же жертвоприношение Молоху, но только не торжественное и публичное, как в соборе Святого Штефана, а жуткое и до предела грязное, потому что роль палачей в этой мистерии предназначалась большевикам. Перед отправкой на фронт нас остригли... Падали на пол мои золотистые локоны – и казалось, что вместе с ними под тяжелыми сапогами парикмахера гибнет, смешиваясь с грязью и мусором, моя душа...

Форма, в которую нас одели, не особо подбирая размер, пахла тленом и безнадежностью – она несла в себе неистребимый отпечаток тех, кто прежде носил ее, тех, кто умер под знаком проклятья... Тяжелая, серая одежда с несмываемыми пятнами чужой крови – одежда приговоренных...

Нас выдвинули вперед перед железным клином большевиков, лишь немного подкрепив всяким сбродом, который не жалко: уголовными преступниками, пойманными дезертирами, неисправимыми нарушителями воинской дисциплины. Нам даже оружия нормального не дали, а из тех винтовок, что имелись в нашем распоряжении одна на пять человек, мы могли только поубивать друг друга. Не было среди нас и нормальных офицеров. Те «черные», что вывели фразубатальон на позицию, при первых же признаках опасности отступили в тыл, оставив дела на своих «заместителей» из нас же самих. А все потому, что всем нам в первой линии предстояло погибнуть под первым же ударом, в то время как настоящие солдаты занимали вторую полосу обороны. И, кроме того, в Германии нет и не может быть женщин-офицеров. А может, они думали, что те из нас, что останутся в живых после артиллерийского обстрела, начнут оказывать русским сопротивление – только для того, чтобы хоть немного оттянуть свой конец.

Но когда для нас настал Судный День, эти непредсказуемые русские опять все сделали по-своему. Их снаряды с мрачным бормотанием летели где-то в высоте над нашими

головами и разрывались там, где заняли оборону настоящие солдаты. И от этих разрывов земля мелко дрожала у нас под ногами. И лишь немногие из этих снарядов, начиненные листовками, лопались над нашими головами – и, трепыхаясь в воздухе, с небес на землю медленно, будто первые снежинки, опускались маленькие белые листки. И в тот момент, когда все мы, сев на дно окопов, смотрели вверх, от большевистских окопов в нашу сторону в сопровождении редких цепей пехоты двинулись боевые машины такого устрашающего вида, что, казалось, их создал какой-то нечеловеческий разум. Штрафники открыли по ним огонь из всего что имели. Но в ответ раздалось только короткое «бум, бум, бум, бум» – и пулеметы в дзотах сконфужено замолчали. Это была воплощенная смерть – порожденная из тяжелого металла чтобы убивать таких как мы... Но никто из нас не вскочил и не побежал в тыл. Все мы знали, что там, позади, располагаются эсесовские расстрельные команды с пулеметами и черными жрецами, алчущих положить на алтарь новые жертвы...

Тем временем первые колышущиеся листки долетели до земли. Они усеяли окопы – какие-то беспорочно чистые в своей первозданной белизне. Мы судорожно подбирали эти листки, жадно вчитывались в них... В этих листках заключалась наша жизнь, маня нас туманной перспективой. Мы не хотели умирать! Сжимая прочитанные листовки, мы молча переглядывались, и по нашим глазам было видно, как мрачное отчаяние сменяется недоверием, а затем – отчаянной на-

деждой... Там, в этих листках, четким готическим шрифтом, черным по бледно-розовому, было написано:

«Пропуск в плен. Действителен по предъявлении. Солдаты вермахта, фольксштурма и фраубатальонов! Всем из вас, кто сложит оружие и добровольно перейдет на сторону антигитлеровской коалиции, гарантируется жизнь, спасение души, хорошее обращение и возвращение домой после освобождения вашей Родины. Верховный главнокомандующий СССР Иосиф Сталин и его Святейшество Папа Римский Пий XII».

Ниже шел текст на русском языке, предназначенный для солдат большевиков, который, собственно, мог означать все что угодно, вплоть до распоряжения расстрелять предъявителя на месте или сжечь его живьем как пособника Сатаны. Но на это уже никто не обращал внимания. Надежда расцветала в наших сердцах, укрепляясь и пуская все новые ростки. Правда, немного странно было видеть рядом имена большевистского вождя и Папы Римского... Но почему-то именно это воодушевляло больше всего.

Сложно сказать, кто из нас первый полез из окопа, зажав в руке смятый листок бумаги. Я сама вдруг обнаружила, что бегу по полю навстречу русским, вопя что-то вроде: «Спасите меня, спасите!»

Кажется, в спину по нам стреляли штрафники, в воздухе посвистывали пули, а некоторые из моих товарок болезненно вскрикивали, получая ранения. Но вот веско и ре-

шительно несколько раз бухнули большие русские пушки, грохнули взрывы – и стрельба прекратилась. Умеют же люди сразу объяснить серьезность своих намерений. Оглянувшись, я увидела, что последние уцелевшие штрафники, побросав оружие, тоже вылезли из окопов. Видимо, русские убили всех непримиримых, предавших душу злу, а эти тоже желают сохранить свои жизни и получить Господне прощение. По мере приближения к русским цепям и их боевым машинам, ожидавшим нас стоя на месте, я стала различать, что это не простые солдаты их Красной Армии, а элитная штурмовая пехота. Об этом свидетельствовали массивные шаровидные шлемы, а также бочкообразные панцири-нагрудники с надетыми поверх них жилетами, имеющими бесчисленное количество карманов, ну и множество иного оружия и снаряжения, которое едва ли будут выдавать простым солдатам.

Мой Франк погиб еще до того, как на Восточном фронте появились эти берсерки – насколько бесстрашные, настолько же и беспощадные, не берущие в плен немецких солдат, – но у моей подруги Урсулы супруг по имени Ганс даже дрался с русскими штурмовиками в рукопашной, и при этом чудом остался жив. Те бросили его, приняв за мертвого, и отступили, выполнив свое задание. Немецкие солдаты, отбив то место, отправили Ганса в госпиталь, а командование наградило его за участие в рукопашной схватке с русскими штурмовиками. Он даже приезжал к жене в отпуск и хвастался новенькой медалью из темной бронзы. От него-то я и знаю

о внешности русских штурмовиков, их храбрости и свирепости. Ганс погиб позже – кажется, при авиационном налете, но сейчас это неважно... Поняв, с кем мы имеем дело, я даже замедлила шаг, но с изумлением заметила, что стволы оружия у этих людей направлены куда угодно – в небо или землю – но только не на нас.

– Ком, ком! – кричали они, делая приглашающие жесты и ободряя этим колеблющихся.

Их лица, раскрашенные диагональными черными полосами, как у индейцев на тропе войны, являли собой образец дикарской свирепости, но почему-то мне казалось, что они нам сочувствуют и даже жалеют. Да и в самом деле мы, должно быть, выглядели смехотворными карикатурами на солдат. А что еще можно подумать о наголо бритых женщинах, в большинстве своем без головных уборов, которые мы потеряли пока бежали, а также в мятой и грязной форме не по размеру, один раз уже явно снимали с трупов?

Мое внимание привлек молодой офицер: он наблюдал за нами, по пояс высунувшись из люка боевой машины. Если бы не русская форма, его можно было бы принять за чистокровного арийца. Мужественное выражение породистого лица и решимость во взоре... Его взгляд на мгновение пересекся с моим, а потом он что-то крикнул своим солдатам порусски, взмахом руки указав в восточном направлении. Не знаю почему, но этот большевистский офицер запал мне в память. А ведь он ничем не напоминал моего покойного му-

жа. Может быть, он стал для меня символом нашего спасения? А может быть, он так запомнился мне потому, что был совсем не похож на тот собирательный образ русских, который я прежде рисовала в своем воображении. А возможно, тут имело место и то, и другое... Но было в его лице нечто такое... одухотворенность, что ли... словно печать Всевышнего лежала на нем, осиянном незримым ореолом...

Тем временем боевые машины взревели как раненые звери и двинулись вперед, а русские солдаты стали повторять жест своего командира, указывая нам путь в тыл. И при этом нам не выделили никакого конвоя. Да и вправду, куда бы мы могли деться – здесь, в русских тылах, одетые в форму вермахта? А если мы ее снимем, то и вовсе останемся голышом, что еще хуже – несколько тысяч голых немецких женщин в окружении многократно большего количества русских солдат... Стоило оглядеться по сторонам – и становилось понятно, что русские спасли не только наш фразубатальон, но и другие, справа и слева, где происходило то же, что и с нами. Большое количество безоружных людей, одетых в немецкую форму, понуро брели в русский тыл, по дороге сбиваясь в нестройные колонны.

Я последний раз оглянулась на того русского, но успела лишь заметить, как он скрылся в люке своей машины. Вел он своих солдат как раз туда, где стоял эсесовский заслон с пулеметами и находились жрецы Нечистого. Представляю, как удивятся эти людоеды в черном, когда вместо перепуганных

молящих о спасении женщин на их позиции выйдут тяжелые боевые машины и цепи железнобоких русских берсеркеров... Очевидно, так и вышло. В скором времени с той стороны донеслось гулкое буханье пушечных выстрелов, резких даже на фоне общей канонады, а также стрекот пулеметных очередей, которые, впрочем, быстро замолкли. Я поняла, что убийцы человек не могли долго противостоять ярости русской штурмовой пехоты, поддержанной большими пушками, а потому бежали или были убиты.

Мы шли вдоль дороги и вскоре увидели шагающие навстречу колонны русских солдат. Вот тут, как я понимаю, были обычные солдаты их Красной Армии. Одеты в форму цвета хаки, они шагали молча, сосредоточено глядя перед собой, а над ними, будто живая, колебалась щетина штыков. И в звуке их четких шагов слышалось грозное торжество грядущей победы над врагом... Они явно торопились вслед за штурмовиками, чтобы подкрепить их в неистовом натиске на немецкую оборону. И только некоторые (вероятно, самые молодые) что-то кричали в нашу сторону, но не злое, а скорее веселое и насмешливое; остальные же шагали вперед в мрачной сосредоточенности людей, которым предстоит самое важное дело их жизни. Русских солдат было много, очень много. Они не только стеной поднимались из окопов, по дороге из русского тыла подходили другие колонны. А позади пехоты, по обе стороны дороги под маскировочными сетями ровными рядами стояло большое количество пан-

церов и боевых машин. И даже такой дилетантке как я становилось ясно, что германской обороне не устоять. Пройдет еще совсем немного времени – и от куска шагреновой кожи по имени Германия будет отрезан еще один лоскут.

Вскоре навстречу нам выехали несколько всадников в фуражках с синими околышами – они и составили не столько конвой, сколько провожатых, приведя нас туда, где русские собирались решить нашу судьбу. На лагерь военнопленных это место походило мало. Всего один ряд колючей проволоки окружал большой луг, где рядами стояли большие армейские палатки; большое количество полевых кухонь дымило своими трубами. А где же вышки с пулеметами, виселицы для устрашения непокорных? Мы с удивлением озирались по сторонам – всего этого не было и в помине. Жених моей тети Эммы служил в охране концлагеря и рассказывал, как должно выглядеть такое место. Теперь, наверно, он проклят, тело его гниет в безымянной могиле, а душа горит в аду, ибо он был убежденный нацист, и мне было очень неприятно с ним общаться. Здесь все было совершенно не так! Солдат с оружием было совсем немного, а большую часть персонала составляли женщины в русской военной форме, а также католические монахини в своих черно-белых одеяниях и черно-рясые священники, отблескивающие чисто выбритыми тонзурами.

И вообще, тут царила какая-то особая атмосфера – после мрачных дьяволопоклоннических эманаций, которые владе-

ли нами довольно долгое время, мы ощутили ее особенно остро; от этого пьянящего чувства кружилась голова и подгибались колени. Здесь было как-то уютно. Жизнь вновь предстала перед нами во всем своем великолепии: с блеском солнца, с пением птиц, с шелестом трав... Мы как будто чудом выбрались из мрачного сырого склепа, в котором уже готовились умереть так и не увидев света. С наслаждением я вглядывалась в лица здешних людей – и все они казались мне похожими на ангелов. Наверное, я была под воздействием некоторой эйфории, но все равно я знала, что мне, как и всем прочим, отныне ничего не угрожает.

Когда наш фраубатальон (точнее то, что им было совсем недавно), ввели внутрь и выстроили на плацу, к нам вышли двое: русский командир, на вид и жесткий и суровый, с горящим взглядом, и полненький живчик падре, перебирающий в руках деревянные четки. Эти двое представляли такой контраст друг с другом, что это не могло не вызывать замешательства. Впрочем, тут прослеживалась некоторая аналогия с теми листовками, где стояли две подписи, которые трудно было воспринимать вместе. Однако это производило своеобразный и довольно сильный эффект: то, что русские, известные прежде своим отрицанием Бога, ныне действуют заодно со служителями Церкви, вызывало безоговорочное доверие.

Начал священник. Медленно пройдя вдоль нашего строя и оглядев каждую из нас ласковым взглядом голубых глаз, на хорошем немецком языке он произнес:

– Мои возлюбленные сестры... Меня зовут отец Павел, и я ваш персональный куратор на все время вашего нахождения в этом чистилище. И ничему не удивляйтесь: Святой Престол подписал с господином Сталиным обширный контракт, по которому мы помогаем большевикам, а большевики помогают нам. Вы у нас первые, но далеко не последние; у следующих будут другие опекуны, а вы – моя персональная забота. Наша задача – не наказать вас и не подвергнуть мучениям, а лишь очистить ваши души от скверны, чтобы в дальнейшем вы стали полезными членами общества. Впрочем, мы с вами еще побеседуем – как на исповедях, так и просто, как говорится, вне моих служебных обязанностей. А сейчас вас ждет баня, медицинский осмотр и сытный обед. Всего наилучшего, мои дорогие фрау и фройляйн; как я уже говорил, мы с вами еще увидимся...

Вот так, с удивительного сообщения о большевистско-католическом союзе, началась моя новая жизнь в фраулагере Шопрон-один...

15 июня 1943 года. 23:55. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий – Иосиф Виссарионович Сталин;

Начальник генерального штаба – генерал-полковник Александр Михайлович Василевский;

Специальный консультант Верховного Главнокомандующего – комиссар госбезопасности третьего ранга Нина Викторовна Антонова.

Когда Василевский пришел к Верховному делать ежедневный доклад об итогах дня, тот беседовал с комиссаром госбезопасности Антоновой о перспективах советско-американских отношений и концепции будущего Совладения. Убедившись, что разгром Германии состоится в обозримой перспективе, Сталин прилагал все больше усилий к тому, чтобы потом, когда умолкнут пушки, не осталось каких-либо недоделанных дел, за которые ему будет потом безумно стыдно. Прежде чем переходить к разбору полетов на Дальнем Востоке, следовало основательно прибраться в садике перед европейским фасадом Советского Союза. Испанию, Португалию, Британию и даже Ирландию необходимо наставить на путь истинный и сделать надежными членами советского блока на европейском направлении. Это необходимо для того, чтобы в случае если американская элита все же сумеет вывести свою страну на курс противостояния с системой социализма, у нее не нашлось ни одного серьезного плацдарма, способного представлять военную угрозу Советской Европе. И опасность развития событий в таком направлении сохраняется.

Вертя в пальцах карандаш, Вождь внимательно слушал комиссара госбезопасности третьего ранга Антонову.

– Американский оголтелый антикоммунизм – это не толь-

ко сенаторы Трумен и Маккарти, – в частности, говорила она, – а также безудержные милитаристы генерал Макартур и адмирал Форрестол. Это даже не владельцы крупных корпораций, опасющиеся за свое существование. Американский антикоммунизм – это сама так называемая «американская мечта», в соответствии с которой каждый бедняк надеется успешно вывернуться и, разбогатевав, стать миллиардером, новым Рокфеллером или Морганом. Там это действительно возможно – когда открываются новые отрасли. Крупные корпорации в таком случае оказываются слишком неповоротливыми; нагнуться «за копеечкой» им мешает чувство собственной важности, так что шустрые талантливые мальчишки, сумевшие ухватить золотую нить, действуя в условиях рыночного вакуума, имеют шанс построить свои крупные корпорации. Но в этих тараканьих бегах – один победитель на миллион участников, остальным остается довольствоваться разбитым корытом.

– Вы имеете в виду этого, как его, Стива Джобса? – спросил Вождь, который все больше времени тратил на изучение истории альтернативного будущего.

– Стив Джобс, как и Билл Гейтс, только «иаркие» представители того типа людей, который и подпитывает эту самую «американскую мечту», – пояснила Антонова. – Один в начале карьеры сам паял и работал отверткой, собирая свои первые компьютеры, другой сам писал программы, ставшие истоком для мировой компьютеризации. Но не стоит забы-

вать, что их успех оплачен беспощадной неокOLONиальной эксплуатацией отсталых стран Азии, Африки и Латинской Америки...

– Если верить вашей истории, то основным донором американской экономики оказались страны Европы, – хмыкнул вождь. – А иначе как могло случиться, что Советский Союз, действуя своими силами, вышел на довоенные уровни производства к пятидесятому году (то есть за пять лет), а вот «облагодетельствованной» планом Маршалла Европе такого результата удалось добиться только к шестьдесят пятому – то есть за двадцать лет. Срок, получается, в четыре раза больший, чем потребовался советской экономике. Выходит, основная часть выигрыша от плана Маршалла досталась самим американцам?

– Средства по плану Маршалла предоставлялись европейским странам в кредит и обставлялись политическими условиями, – сказала Антонова. – А такая «помощь» называется уже по-другому.

– Вот именно, – подтвердил Верховный, – много ли возьмешь с нищих вчерашних колоний, а вот Европа – это совсем другое дело. Но Европу мы теперь сами будем и ужинать, и танцевать. Да и восстанавливать там теперь особо нечего – ведь не было американских бомбежек, в вашем прошлом в труху разбивших все от Гавра до Варшавы. Но я о другом. Сможет ли Америка стать такой же «великой», как в вашем мире, если в качестве кормового ресурса ей оставить только

ее собственный задний двор, то есть Латинскую Америку, а на Европу или, скажем, на Азию с Африкой заставить только облизываться?

– Вот тут вы, товарищ Сталин, правы, – согласилась Антонова, – в таких условиях американцам не поможет никакой гений Рузвельта. Правда, Совладение предусматривает свободное движение товаров, людей и капиталов, но это совсем не то, что хотелось бы капитанам американского бизнеса. На кредитование под политические уступки вы не пойдете. Оправившаяся от войны, европейская промышленность сможет производить товары не хуже чем американская, и в достаточных количествах. При этом при свободе перемещения людей между двумя системами американские инженеры и рабочие, едва настанет очередной кризис, быстро сбегут в Советский Союз, ибо при отсутствии непосредственной военной угрозы развиваться в социально-экономическом плане он будет быстрее Соединенных Штатов. Кстати, хотела бы спросить: получив контроль над европейскими странами имеющими колониальные системы, вы собираетесь давать колониям независимость или намерены подвергнуть их советизации вместе с их Метрополиями?

– Над последними вопросами мы пока думаем, – не спеша произнес Сталин, – тут, как говорится, и хочется и колется. Прежде чем принять ответственные решения, требуется провести дополнительные исследования, так сказать, на местности. Аргументы про и контра почти уравновешивают

друг друга. С одной стороны, у нас недостаточно кадров для того, чтобы держать под контролем все европейские колонии в Азии и Африке, а с другой стороны, мы знаем, какой цивилизационный регресс произошел там, в вашем мире, сразу же после того, как эти страны освободились от колониальной зависимости. Истребив и изгнав белых фермеров, вожди африканских национальных революций оказались не в состоянии прокормить свое же собственное население. И к тому же все, что мы уроним в грязь, тут же будет подобрано американцами, для этого им не помешают ни географическое удаление той страны от их границ, ни политика Рузвельтовского Нового Курса. А вот когда они насобирают достаточно того, что мы бросили за ненадобностью, их политика может и измениться.

– Азиатские страны, освободившись от колониальной зависимости, в основном в той или иной степени состоялись как независимые государства, – сказала Антонова. – А об Африке южнее Сахары, за исключением Эфиопии, такого сказать нельзя. Поэтому, если мы не заходим потерять Черный континент, то проводить процесс советизации в европейских странах следует до предела мягко – так, чтобы не настроить против советского строя большую часть населения. Страны Европы, нюхнувшие прелестей нацизма-сатанизма, или хотя бы пережившие страх скорого прихода черных жрецов, будут лояльны Советскому Союзу хотя бы на первых порах. А это – основные европейские колониальные державы,

если не считать Португалии...

– Ну так все же, что вы посоветуете делать в том случае, если в условиях резкого сокращения кормовой базы американский истеблишмент взбрыкнет, тем или иным способом скинет нашего друга Френки и попытается свернуть историю на накатанный путь военного противостояния с Советским Союзом? – спросил вождь.

– Насколько я понимаю, – сказала Антонова, – с тех пор как наша разведка «позаимствовала» у американцев Оппенгеймера и Сцилларда, дела с Бомбой у них идут ни шатко ни валко. Мой первый совет – как можно скорее закончить войну в Европе и на Тихом океане. Сразу после заключения мира Конгресс резко урежет ассигнования на военные нужды, что означает не только прекращение работ над ядерным оружием, но и перевод большей части заложенных авианосцев и линкоров в категории «недострой» и «долгострой». Чем быстрее и с меньшими разрушениями наступит мир, тем будет лучше для Советского Союза...

И как раз на этом оптимистическом заявлении раздался звонок внутреннего телефона. Товарищ Поскребышев сообщал, что генерал Василевский прибыл и ждет разрешения войти.

– Пусть заходит, – ответил Вождь, – мы его ждем.

Василевский вошел в приподнятом настроении, и, поздоровавшись, расстелил на столе принесенную с собой карту.

– Операция «Суворов» развивается вполне успешно, – со-

общил он. – К исходу первого дня наши войска прорвали фронт и продвинулись на глубину от двадцати до пятидесяти километров. Передовые части механизированных корпусов особого назначения товарищей Ротмистрова и Лелюшенко прошли по окраинам Вены и вышли на оперативный простор. Соединения противника, располагавшиеся между полосами прорыва и Дунаем, снялись со своих позиций, но в город отступить не успели, и теперь зажаты между нашими наступающими войсками и речным руслом. Большую помощь наступающим войскам оказывает Дунайская военная флотилия, бронекатера которой высадили десанты на городских набережных и поддерживают наступающих огнем и броней.

– Очень хорошо, товарищ Василевский, что немцы с линии фронта не смогли отступить в пределы городской застройки, – сказал Верховный, разглядывая карту. – На открытой местности товарищ Конев их быстро прижучит. А теперь скажите, сколько, по вашим сведениям, у них сил в самой Вене и как долго нам с ней придется возиться?

– В основном в пределах Вены находятся недоформированные фраубатальоны и фольксштурм, которыми командуют местные полицейские, – ответил Василевский. – Боевая ценность этих частей сомнительна. Передовые части пятой и девятой гвардейских армий, пока закрепившиеся на окраинах, сообщают, что при попытке завязать с ними боестолкновения немцы или отходят вглубь города, или сдаются в плен.

Особенно склонен к капитуляции личный состав бабобатальонов...

– Как-как вы сказали, товарищ Василевский? – сверкнув глазами, переспросила Антонова, – бабобатальонов?

– Да, товарищ Антонова, – замешкавшись, кивнул Василевский, – затея Гитлера поголовно мобилизовать в армию молодых немецких женщин себя не оправдала, и теперь они массово сдаются в плен нашим войскам. Пришлось даже издать особый приказ, чтобы в войсках к военнопленным женского пола отнеслись с особым уважением, я бы даже сказал, политесом, и не допускали в их отношении никакого полового насилия и прочих безобразий.

– По имеющимся в нашем ведомстве сведениям, в основном не оправдала себя затея Гитлера обратить свой народ в поклонение Сатане, – сухо сказала комиссар госбезопасности третьего ранга. – По донесениям, пришедшим из фраулагерей, заранее организованным нашим ведомством в непосредственной близости к линии фронта, основным мотивом, побудившим контингент сдаваться в плен без сопротивления, было неприятие сатанинской сущности гитлеровского режима.

– Это мы еще очень удачно подошли, – проворчал Верховный, – сейчас, когда, к новому культу еще не успели привыкнуть, и он не вошел в плоть и кровь немецкого народа, культ, так называемого, истинного арийского бога вызывает максимальное отторжение у людей, воспитанных в традиционных

христианских конфессиях. Хотя надо признать, что сатанинской сущность гитлеровского режима была изначально, а то, что произошло полгода назад, явилось только официальным признанием сложившегося положения дел, и не более того.

– У нас есть сведения, – сказала Антонова, – что некоторые из черных жрецов, застигнутые нашими войсками на месте преступления, не хотели умирать даже после попадания винтовочной пули в сердце, что позволяет подозревать, что сущность, враждебная всему человеческому роду, проникла в наш мир на уровне чуть большем, чем просто идейном. По счастью, командир, первым столкнувшийся с этим явлением, сумел найти выход не прибегая к посторонней помощи, и мы уже распространили его опыт в войсках. С того момента и по сей час тела врагов, связанных с исполнением обрядов сатанинского культа, предписано сжигать на месте. А то кто его знает – быть может, сказки эти не совсем сказки и когда-то в незапамятные времена нечто подобное уже происходило...

– Возможно, – сухо произнес Верховный и тут же спросил: – И кто же это такой у вас умный, который догадался о такой простой, но позабытой методике?

– Это командир бурского полка спецназначения майор Пит Гробеллаар, – сказала товарищ Антонова. – В отличие от нас, он не отягощен излишними интеллигентскими пред-рассудками в стиле диалектического материализма и Сатана для него не персонаж страшной сказки, а один из акторов

повседневной жизни. Сжег трупы – и сразу легче стало, а это значит, что все было сделано правильно...

– Ну хорошо, – сказал Верховный, – с Сатаной мы еще разберемся – да так, что он забудет дорогу в наш мир. А теперь, товарищ Василевский, скажите – что необходимо сделать, чтобы выиграть войну в самые кратчайшие сроки? Но только учтите, что при этом еще до взятия Берлина необходимо окончательно разобраться с одиозными режимами в Испании и, в первую очередь, в Великобритании.

– В настоящий момент препятствием к успешной подготовке к операциям на Пиренейском полуострове и Британских островах является недостаточная пропускная способность путей сообщения через Хорватию и северную Италию, – сказал начальник генерального штаба. – К тому же было бы затруднительным снять с фронта мехкорпуса ОСНАЗ и гнать их по железной дороге кружным путем вокруг Альп. Поэтому, как Начальник Генерального Штаба, предлагаю после завершения операции «Суворов» провести еще одну южно-баварскую наступательную операцию, которая пробьет еще один коридор к нашей французской группировке, на этот раз севернее Альп. В таком случае по завершении этой операции мы сможем быстро передислоцировать на Пиренейское и Британское направления те же мехкорпуса ОСНАЗ, ставшие излишними на фронте против Германии...

– Дожили, – проворчал Сталин, – мехкорпуса у него излишние... Но и в самом деле – если полтора года назад мы

имели фронт протяженностью почти в две тысячи километров, то теперь он сократился чуть ли не вдвое. Вдвое же уменьшилась и противостоящая нам армия, в силу чего наши ударные соединения в ходе своих операций буквально толкаются локтями. Поэтому я соглашусь, что три мехкорпуса из шести можно было бы перевести во Францию и нарезать им новые задачи. Но все же меня смущает то, что мы не собирались трогать территорию самой Германии буквально до самого конца. Товарищ Антонова, а каково ваше мнение по данному вопросу?

– Подписав конкордат с Ватиканом, – сказала Антонова, – мы обещали Папе Пию Двенадцатому и всем его преемникам на Святом Престоле, что будем военной силой защищать католиков во всем мире от геноцида по религиозным и национальным основаниям. А то, что сейчас творят в Баварии черные жрецы, иначе как геноцидом и не назовешь.

– Да, – сказал Верховный, – мы знаем, что Бавария населена в основном католиками, а с ними у Гитлера далеко не лучшие отношения. Ну что же – если мы подписали такую бумагу, то ее надо исполнять. К тому же захват Баварии нашими войсками отрезет сторонникам Гитлера и прочим военным преступникам путь бегства в Швейцарию и дальше по всему миру, после чего блокированная со всех сторон Германия превратится в грандиозный канатный ящик для крыс. Товарищ Василевский, проработайте, пожалуйста, предварительные планы такой операции и подайте нам на

утверждение. В Польше после завершения операции «Суворов» мы разрешаем вам только проведение Восточно-прусской наступательной операции. Побережье Балтийского моря к востоку от Вислы обязательно должно быть нашим. И передайте товарищу Кузнецову мое крайнее неудовольствие. Почему наши армии ведут бои уже на окраинах Вены, а он до сих пор не может прервать морские пути снабжения окруженной немецкой группировки в Курземе? Вы знаете, что по документам германского генштаба это образование именуется не котлом, а плацдармом? Неужели этот нарыв, как и в прошлый раз, будет висеть на нас до самого конца, пока мы не возьмем Берлин и не повесим Гитлера? Пусть согласует свои действия с вами, а потом выведет в море линкоры и крейсера и, как во время операции в Пенемюнде, наглядно покажет немцам, окопавшимся на советской территории, что их время истекло.

– Так точно, товарищ Сталин! – Василевский записал указания вождя в свой блокнот, – но, по нашему мнению, эту операцию лучше проводить уже после Восточно-Прусской, когда линия вражеского снабжения удлинится аж до Штеттина...

– Не возражаю, – сказал вождь, – главное, чтобы к тому моменту как мы сможем заняться Британией, все немцы в Курземском котле были мертвыми и лежащими в земле. На этом, товарищ Василевский, с вами, пожалуй, все. Жду вас завтра в то же самое время и также с хорошими новостями. А

сейчас идите. Нам с товарищем Антоновой нужно закончить тот разговор, который мы вели до вашего прихода.

– Да, Александр Михайлович, в самом деле, – подтвердила Антонова, очаровательно улыбнувшись, – о таких извивах международной политики вам знать еще преждевременно.

17 июня 1943 года. Полдень. СССР. Ивановская Область пос. Чернцы, спецлагерь НКВД № 48 для плененных немецких генералов.

генерал-полковник Эрвин Роммель.

День, которого я так ждал, настал. Почти с самого моего пленения Фрау Антонова вела себя как сытая кошка, что ходит вокруг миски сметаны, принюхивается, но все не решается попробовать угощение. Но наконец от нее все-таки поступило предложение. Но не руки и сердца (я женат), а то, от которого, как говорят русские, нельзя отказаться...

Но перед тем как приступить к разговору, она задала неожиданный вопрос:

– Эрвин, скажите, вы добрый католик?

– Э-э-э, фрау Нина... а какое это имеет отношение к моему делу? – ошарашенно ответил я.

В ответ она расстегнула портфель и достала оттуда несколько скрепленных между собой листков бумаги.

– Читайте, Эрвин, – сказала она, подталкивая документы в мою сторону, – специально для вас прихватила экземпляры на немецком языке.

Да уж... я листал документы, старательно вчитываясь в текст – и мне едва удавалось скрывать свое изумление. Уж ТАКОГО я точно не ожидал. Всеобъемлющий конкордат, заключенный между советским руководством и Святым Престолом – подобный тому, что полтора века назад был заключен Римом, а точнее, папой Пием Седьмым, с империей Великого Корсиканца. И вот теперь тоже Пий, но только Двенадцатый, повторил решение своего дальнего предшественника. Теперь Римская Католическая Церковь обрела возможность в значительной степени и на законном основании экстерриториально действовать на контролируемых Советским Союзом территориях, но при этом и руководство большевиков заручилось лояльностью католического духовенства, получив вдобавок доступ к тем распространенным по всему миру рычагам влияния, что прежде имелись исключительно в распоряжении Римской Католической Церкви. Теперь, если кто-то вздумает устроить против католиков гонения на основании их религиозной принадлежности, Красная Армия прекратит эти злодеяния, вмешавшись силой своего оружия. И последним документом явилась энциклика папы Пия Двенадцатого, которая – *vice versa* – в свою очередь отныне призывала всех добрых католиков присоединяться к Красной Армии в ее борьбе против нацистско-сатанинских полчищ.

Этот последний документ делал понятным вопрос фрау Нины о том, добрый ли я католик. Если добрый, то должен встать и сказать, что готов биться с Гитлером там, куда меня

пошлет «партия» – то есть Святая Матерь Римско-Католическая Церковь. По правде говоря, я никогда не был поклонником национал-социалистических идей, не состоял в Партии и не маршировал в рядах штурмовиков. В Гитлере меня, как и всякого немецкого офицера, привлекала идея будущего величия Германской державы и мести странам Антанты за унижения Версальского мира. Тогда, в начале тридцатых годов, этот товар на политическом рынке больше никто не предлагал. И не надо говорить, что кроме нацистов были еще и коммунисты. Эти вообще не вели речь о будущем Германии – она, по их мнению, должна была раствориться во всемирном Интернационале рабочих и крестьян. А мне это не нравилось, ведь я все-таки немецкий офицер, а не какой-то там среднеарифметический общечеловек.

К тому же при более пристально взгляде на Советскую Россию становилось понятно, что править в этой интернациональной державе будут евреи – единственная нация, чувствующая себя дома в любом уголке планеты, где построены города, а по сути, паразитирующая на тех, кто выращивает хлеб, плавит металл и строит из него машины. Не то чтобы я ненавидел этот народец, совсем нет; просто этим людям следует знать свое место и не лезть во власть, а то во времена Веймарского безобразия доходило до того, что представители этого национального меньшинства, составляющего два процента от населения Германии, занимали в стране восемьдесят процентов руководящих должностей. И это бы-

ло неправильно – поэтому я и поддержал курс Адольфа Гитлера на создание Великой Германии и подготовку к войне, призванной стать реваншем за унижительный Версальский мир.

Кто же тогда мог знать, что идея очистить управление страной от людей-инородцев, не желающих, чтобы моя страна снова стала мировой державой, обернется таким ужасом, от которого сейчас мне хочется выть и кататься по полу? Призрак будущего величия обернулся для Германии перспективой такого разгрома, что по сравнению с ним Версальское унижение выглядит легкой неприятностью. Ненависть к тем, кого Гитлер и его единомышленники заклеямили недолюдками, отразилась от тех как от стены и, усилившись во сто крат, обрушилась на несчастный немецкий народ. Фрау Нина в свои прошлые посещения уже говорила, что в желании возвеличить и прославить свою страну нет ничего плохого; все дело в том, каким путем этого планируется достичь. Тому, кто сеет ветер ненависти, следует быть готовым пожать бурю благородной ярости, которая собьет его с ног и отбросит во тьму внешнюю.

Ефрейтор (*Адольф Гитлер*), мелкий человек с уязвленным самомнением непризнанного художника, изначально планировал утопить весь мир в излиянии своей ненависти, так что стремление немецкого народа к достижению величия было для него не целью, а лишь инструментом к обретению власти. На восточной границе Рейха еще не про-

звучало ни единого выстрела, Советский Союз еще считался невоюющим союзником Германии, исправно поставляющим немецкой промышленности хлеб и сырье, а в подписанных Гитлером программных документах НСДАП русских уже называли недочеловеками, по отношению к которым позволялись любые преступления, лишь бы не снижать тем самым боеспособность войск. Немецким солдатам объявили, что после победы над Советским Союзом они получат от Рейха большие поместья с послушными рабами, после чего они славили фюрера, не понимая, что тот ведет их навстречу всеобщему уничтожению.

Слава Господу Нашему Иисусу Христу, что в сорок первом году меня в России просто не было. В то время я вполне успешно гонял англичан по пескам Сахары, и продолжил бы эту деятельность и дальше, если бы русский медведь, разбуженный нашим бесцеремонным вторжением, не сожрал у фюрера слишком много так необходимых для войны генералов. Русские, по вышеизложенным причинам, восприняли наше вторжение с яростью – так, словно это было нашествие орды голодных людоедов. Не знаю, само так получилось или слишком большое количество жертв из их народа взывало к отмщению – но небеса снизошли к их молитвам и, на мгновенье приоткрывшись, выпустили в наш мир «старших братьев». Впрочем, фрау Нина сразу сказала, что не они предопределили исход этой злосчастной войны. Со «старшими братьями» или без них – но, по ее итогам, Третий Рейх дол-

жен был закончиться окончательно и бесповоротно на руинах разбитого вдрызг Берлина. Поражение в этой войне было предрешено с самого начала, ибо ефрейтор замахнулся на огромную мощь, истинных пределов которой он не понимал.

«Старшие братья» лишь ускорили процесс разгрома, в обязательном порядке сокращая потери своей страны и пытаясь в меру возможностей уменьшить и потери других игроков. Именно поэтому они были так мягки в отношении Румынии и Болгарии, почти без боя взяли Швецию и закончили войну с Финляндией одним решительным ударом. Но это случилось уже после того, как я попал в плен, и узнал я об этом от новых обитателей нашего лагеря, среди которых были два финских генерала и один швед. Бессильная ненависть ефрейтора по отношению к русским, скорее всего, и побудила его просить помощи у Сатаны. Сношение с Врагом Рода Человеческого – тягчайшее преступление, и Святой Престол, не имеющий собственных армий, был вынужден оглядеться по сторонам в поисках государя, готового обнажить свой меч в защиту Христовой Веры. Получилось так, что взгляд Папы не нашел никого, кроме русских, которые к тому моменту весело, с шутками и прибаутками, пинками выпроваживали нашу армию со своей земли (не стоит обманываться их видом лопоухих деревенских простофиль: выпроваживать они умеют гораздо лучше, чем встречать). А потом случилась Минская резня, после чего мы приготовились к худшему. Нам казалось, что сейчас в наш лагерь во-

рвутся разъяренные русские и отомстят нам за все то зло, что мы причинили их народу. Но тогда обошлось, никто к нам не ворвался и не убил. Такой исход можно списать только на загадочную русскую душу, проявляющую свою благородную ярость только на поле боя. У нас в Европе все совсем не так.

Но вот что не дает мне покоя... Конечно, есть неоспоримая истина в словах: «враг моего врага – мой друг», но ведь прежде его Святейшество Пий Двенадцатый выказывал такое резкое неприятие большевиков, что теперь и этот конкордат и эта энциклика кажутся мне чем-то до предела невероятным... А большевики? Прежде они казались такими непримиримыми противниками религии – вообще любой! Как случилось, что две этих непримиримых между собой силы сошлись для того, чтобы заключить самый тесный союз? Одного только наличия общего врага, пусть даже это Враг Рода Человеческого, как и одной только Воли старших Братьев, для этого явно недостаточно...

– Как могло получиться, что вы и Папа стали близкий союзник – такой близкий, что еще ближе уже не можно? – спросил я у фрау Нины на кое-как выученном мной русском языке. Этот прием, как я надеялся, позволил мне скрыть удивление, граничащее с крайней растерянностью.

Она глянула на меня сурово и внимательно и произнесла, сурово чеканя немецкие слова:

– А потому что и для католиков, и для большевиков нет ни эллина, ни иудея – а посему мы одинаково не приемлем

идеи расового или национально превосходства. А обо всем остальном можно договориться, что мы и сделали. Большевикам давно пора было, не теряя стержня борьбы за всеобщее счастье, немного сдвинуться вправо, отойдя от богоборческой троцкистско-левацкой риторики о диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства. Этот путь ведет в пещеры. Имеет смысл говорить о диктатуре трудящихся, в число которых входят врач, агроном, инженер, офицер и учитель. Церковь – как римско-католическая, так и наша отечественная православная, за века своей власти над миром выросла толстой коркой фарисейства, скопидомства и лицемерия, что породило не только реформацию и атеизм просвещенных кругов, но и восприятие этого института как чего-то ненужного, без чего можно обойтись. Поэтому Римско-католической церкви, напротив, требовалось пошевелиться, вспомнить об идеалах первых христиан, и о том, что суббота для человека, а не человек для субботы. Ей требовалось понять, что она для малых сих пастырь, а не алчный волк; и как только все стало на место, то выяснилось, что коммунистам и католическому духовенству по большому счету больше нечего делить...

– Хорошо, – кивнул я, – думаю, что вы, Старшие Братья, способны даже корову уговорить полетать по небу... но какое отношение все это имеет ко мне? Да, я добрый католик, но при этом простой мирянин, а не епископ и не кардинал.

– Вы, Эрвин, нужны своей родине Германии, – сказала

фрау Нина, – и сейчас эта нужда в вас даже больше, что в тот момент, когда вы водили за собой в наступление танковые армады.

– А будет ли она, эта Германия? – с горечью спросил я. – Ведь вы, русские, уже почти разгромили наш Рейх и поставили его на колени... Пройдет совсем немного времени – и от немецких городов не останется и камня на камне, а от немецкого народа – ни мужчины, ни женщины, ни ребенка.

– И кто вам сказал такую ерунду, Эрвин? – с усмешкой спросила фрау Нина, – на территории России живет более двухсот народов, и мы можем гордиться, что на протяжении нескольких сотен лет существования нашего государства ни один из них не исчез с лица планеты. Существованию немецкой нации и Германии – как земли, населенной немцами – с нашей стороны ничего не угрожает. Опасность исходит со стороны вашего старого приятеля Гитлера, в предчувствии поражения уже готового утянуть за собой в могилу весь немецкий народ.

Сказав это, фрау Нина раскрыла свой портфель и стала доставать из него фотографии, раскладывая их передо мной на столе подобно пасьянсу.

– Смотрите, Эрвин, смотрите, внимательно... – сказала она, со значением взглянув на меня. – Это Австрия, где три дня назад наши войска начали наступление. Со славянами и прочими причисленными к недочеловекам народностями там плохо, поэтому эсесовские мясники начали резать во

славу своего темного бога немецких женщин и детей – таких же добрых католиков, как вы, ваша жена, ваш сын и ваша дочь. Вы, может, и забыли об ее существовании, но в нашем ведомстве помнят все, да и Всевышний тоже не склонен спускать такие «шалости». Но, впрочем, сейчас это неважно. Вы смотрите, смотрите...

Все ниже наклоняясь над столом, я всматривался в эти фотографии – и от ужаса у меня на голове дыбом вставали редющие волосы, а в горле нарастал ком, который мешал мне дышать. До этого слова «жертвоприношение», «сатанизм» и прочие были всего лишь словами. Никаких изображений прежде нам не показывали, а услышанное не производит такого впечатления, как увиденное...

Фрау Нина пристально наблюдала за мной все это время, и, конечно же, от ее взгляда не укрылось то, что происходило со мной. Я отчетливо чувствовал, как холодок омерзения растекается по моей коже; пульс мой участился и я машинально провел рукой по горлу. Казалось, мне хватает воздуха. Мне хотелось закрыть глаза и забыть все, что я увидел, но при этом я понимал, что забыть это будет невозможно уже никогда. Кошмарные фотографии, разложенные на столе, были подобны куче ядовитых змей – и я, как загнипнотизированный, все не мог оторваться от них и продолжал вглядываться, отмечая мельчайшие детали чудовищных преступлений. Меня накрывало ощущение абсурда, но при этом разум беспощадно твердил, что все это самая настоящая ре-

альность – реальность, к которой я тоже приложил руку, сам не ведая того. Я – чудовище, я преступник! Все это происходило с ведома и молчаливого согласия меня и таких как я... Передо мной вдруг встали образы жены и детей. Это их искаженные болью и ужасом лица смотрели на меня с этих фотографий! Это их кровь черной рекой текла на жертвенный алтарь! Они взывали ко мне, они молили о спасении! В ушах моих звучали их голоса – и эти вопли умирающих перекрывал гулкий нечеловеческий хохот...

– Часть этих фотографий мы сняли с трупов самих участников этих темных мистерий, – донесся до меня голос фрау Нины, мгновенно оборвавший мои видения.

Я откинулся на спинку стула и опустил руки вдоль тела. Наверное, я был бледен, потому что фрау Нина глянула на меня каким-то цепким взглядом, в котором сквозило мрачное удовлетворение. А она продолжила:

– Как это ни странно, но палачи, особенно немецкие, просто обожают фотографироваться на месте своего преступления. Другие снимки были сделаны нашими офицерами контрразведки и политического воспитания, которым вменяется фиксировать преступления гитлеровского режима. Зачастую жертвоприношения в оскверненных церквях идут до последнего момента, когда туда врываются советские солдаты и истребляют человекоубивцев до последнего служки... Зверь, у которого отобрали то, что он считал своей законной добычей, с голодухи начал жрать поклоняющийся

ему немецкий народ. С бешеным зверьем всегда так – никогда не знаешь, кого они укусят и когда.

В ее голосе звенела сталь. Она видела, что я впечатлен этими фотографиями и совершенно подавлен. Очевидно, именно этого эффекта она и добивалась.

– Хорошо, фрау Нина... – опустив голову и глядя в пол, сказал я, и мой голос мне самому показался каким-то чужим и уставшим, – я вас понял. А теперь скажите... что вы хотите от меня лично?

– От вас, Эрвин, мы хотим, чтобы вы пошли и выполнили свой долг перед немецким народом, – ответила мне пришелица из будущего, четко проговаривая каждое слово. – Ведь вы у нас фольксгенерал, любимец нации и все такое. Вас любят женщины и уважают мужчины. Ваш народ сейчас сбит с толку и растерян. Его предал тот, на кого он возлагал все свои надежды. Не умея достойно проигрывать, ваш фюрер бросил в пасть дьяволу сначала покоренные народы, а потом немецких мужчин и женщин. Сейчас те из них, что остались живы, не понимают, что происходит, и кто им враг, а кто друг. Им нужен тот, кому они поверят, который скажет им, что жизнь не кончилась, кошмар остался позади и теперь все будет хорошо.

– Так вы... – судорожно сжимая и разжимая пальцы, медленно произнес я, – вы не будете мстить немцам за то, что мы натворили в вашей стране?

– Господи! – воззвала к небесам фрау Нина. – Будь добр,

вразуми этого неразумного! Нельзя мстить тому, кто ничем не виновен лично, и в то же время вашего фюрера и его подельников нельзя повесить больше одного раза. Мстительные рефлексy в таких делах требуется оставлять побоку. – Она положила руки на стол и слегка наклонилась в мою сторону. – Наша задача – сделать так, чтобы в Европе больше никогда не смогла начаться большая война и чтобы больше никогда, никто и ни при каких обстоятельствах ни в одной стране не сделал ненависть к другому народу частью своей государственной политики. Вы уж меня извините, но большая Советская Континентальная Империя от Лиссабона до Владивостока не далее чем через год станет реальностью, данной вам в ощущениях. И немцы в этой большой семье народов будут занимать такое же место, как и все остальные – ни хуже, ни лучше; и то, какой будет их жизнь в дальнейшем, будет зависеть только от вас. Ведь именно вам мы предлагаем должность лидера немецкой нации, который соберет воедино всех, кто остался в живых и поможет восстановить им мирную жизнь.

Я не мог поверить собственным ушами. Лидер немецкой нации? Впрочем, не приходилось сомневаться, что дурацкие шутки людям, подобным фрау Нине, совсем не свойственны – и поэтому я, подавив в себе замешательство, спросил:

– А если я не справлюсь? Что тогда?

– Справитесь, – ответила фрау Нина, и в ее лице, и в голосе было столько уверенности, словно ее устами говорил сам

Господь, – непременно справитесь. Ведь с одной стороны вас будем поддерживать мы, советские большевики, а с другой стороны вам гарантирована помощь Святого Престола. Его Святейшество обещал вам всевозможную поддержку.

– Вы с ним встречались? – быстро спросил я.

– Да, – кивнула она, – и не один раз. С гордостью могу сказать, что со стороны этого незаурядного человека я встретила только понимание и поддержку.

– Что ж... тогда можете считать меня добровольцем, – сказал я, одергивая мундир и чувствуя, как недавнюю растерянность и подавленность вытесняет радостное воодушевление. – Я согласен на ваше предложение...

При этих словах я подался вперед, всем своим видом демонстрируя непоколебимую готовность.

– Ну вот и замечательно! – произнесла фрау Нина, одобрительно оглядывая меня с ног до головы. – Если у вас есть личные вещи, которые дороги вам как память, рекомендую забрать их с собой. Вы больше никогда не вернетесь на это место – оно для вас прошлое, а вы теперь принадлежите будущему...

18 июня 1943 года. 23:35. Москва, Кремль, кабинет Верховного Главнокомандующего.

генерал-полковник Эрвин Роммель.

Итак, согласившись на предложение фрау Антоновой, я сменил положение военнопленного на статус дорогого гостя.

Перед тем как отправиться в Вену и приступить к своим обязанностям, мне предстояло пройти собеседование с господином Сталиным. Ирония судьбы... Я долгое время жил и работал вместе и Гитлером, – и вот мне, почти в том же качестве, предстоит личная встреча с его оппонентом и полной противоположностью. Понятно, что даже если инициатива о моем назначении исходила от фрау Антоновой, большевистский вождь наверняка затребовал на меня все имеющиеся материалы – как местного происхождения, так и из другой истории. Я на его месте сделал бы именно так. И раз я здесь, можно предположить, что впечатление от этих материалов у него осталось сугубо положительное. И вот теперь он, перед тем как принять окончательное решение, желает встретиться со мной лично. Как-никак я для него вчерашний враг, да и сейчас не союзник, а всего лишь попутчик...

Поселили меня буквально под боком у господина Сталина, в гостинице «Москва». Это было весьма примечательное место. С двенадцатого этажа, где располагался мой номер, открывался прекрасный вид на Кремль. Кроме того, из окна я мог обозреть всю Москву до самых окраин. Город расстилался передо мной как на ладони – и я не мог удержаться, чтобы не любоваться на него через свое окно. Особенно впечатляюще она выглядела на рассвете, когда розовая заря заливает небосвод... Да, очевидно, не зря мне выделили именно этот номер. Созерцание русской столицы невольно навевало мысли о величии этого народа.

Вот и сегодня утром я стоял у окна и не без удовольствия обозревал раскинувшуюся внизу столицу России с ее Кремлем. Утренняя дымка висела над городом, и казалось, что это само Божье благословение укутывает столицу. Постепенно дымка рассеивалась и лучи яркого солнца начинали раскрашивать город в яркие краски: оно золотило купола на церквях, радостными бликами играло в окнах. Город просыпался, наполняясь звуками дня. Где-то вдали прозвучал заводской гудок, застучали первые трамваи... В голубом безоблачном небе я увидел стайку белых голубей – они кувыркались в воздухе, словно бы купаясь в ласковых солнечных лучах. Все это было так безмятежно и мирно, так восхитительно прекрасно, что я особенно остро почувствовал стыд – за то, что мы собирались уничтожить все это, навсегда изменив лик этого благословенного города...

Теперь эти планы уже никогда не претворятся в жизнь – и русская столица будет жить, сохранив свой неповторимый облик! И это хорошо. Будет жить и процветать и весь народ этой страны, благословенный самим Всевышним, и никакие темные силы не смогут повергнуть этот народ в прах и попать его ценности – никогда мне уже больше не придется сомневаться в этом... А если будет жить этот народ – то и всем остальным не грозит участь быть стертыми с лица земли. Я, по крайней мере, постараюсь сделать все, чтобы оправдать оказанное мне доверие. Все, ныне происходящее со мной, я могу расценивать не иначе как улыбку Господа...

Если все сложится удачно, то от меня будет многое зависеть, и, возможно, я оставлю свой – не самый худший – след в истории...

Мне вдруг пришла в голову мысль, что только здесь, в этой стране, местом дислокации правителя и правительства является самая настоящая крепость, а не какой-нибудь там дворец. Дворец, разумеется, в Кремле тоже есть, да только он заключен в кольцо крепостных стен и боевых башен. Конечно, сейчас не пятнадцатый век, когда итальянский фортификаторы взводили тут стены и башни из обожженного кирпича с вполне определенной целью защиты города от врагов – но как символ воинствующей страны-крепости Московский Кремль как раз на своем месте. Сюда мы, немцы, по приказу своего фюрера стремились два года назад и почти дошли, но потом откатились, не сумев взять твердыню. А ведь ради этой цели, оказавшейся недостижимой, мы залили своей и чужой кровью половину России! Эта кровь была пролита напрасно...

Фрау Антонова сумела меня убедить, что культ «арийского бога» – это не экспромт, случайно пришедший в голову бесноватому ефрейтору, а домашняя заготовка, теоретическая работа над которой шла с того самого момента, когда Гинденбург привел Гитлера к власти. Пустить этот культ в дело планировалось только после окончательной победы Рейха в Европе, и именно он должен был стать основным итогом развязанной Гитлером войны, а не величие Герма-

нии. И вот тогда на Рейх и все подвластные ему страны опустился бы беспредельный тысячелетний ужас господства сатанинских сил, и некому уже было бы поколебать их могущество. О Боже, как я был наивен! Страшно подумать, сколько людей оказались одурачены, обольщены пламенными речами нашего фюрера. Я видел в Гитлере величайшего военного вождя немецкой нации, но проглядел другие особенности его характера. Но, к всеобщему счастью, его карьеру прервали русские большевики. Сначала они сорвали план войны на востоке, отбив наше наступление на Москву, а потом бесноватый ефрейтор, испугавшись неизбежного поражения, пустил в ход свой давно заготовленный план, превративший Германию во врага всего человеческого рода, сделав из нее рассадник мерзости и греха. Безумец – он пытался изменить Божий промысел! В итоге поражение в войне превратилось в угрозу уничтожения всей немецкой нации. Изменить это ни я, ни даже старшие братья русских уже не можем, остается только бороться с последствиями... И это весьма печально.

Этой ночью я почти не спал – все думал о предстоящей встрече с русским вождем. Тем не менее чувствовал я себя довольно бодро. Много обдумав и переоценив, морально я был готов к этому ответственному шагу.

Перед визитом к господину Сталину меня переодели – мой изрядно потрепанный мундир генерал-полковника вермахта для подобных мероприятий совершенно не годился.

Вчера люди фрау Антоновой в закрытой машине отвезли меня в особое ателье, где с меня сняли мерки, а уже сегодня для меня был готов серый с искрой штатский костюм, который сидел на мне так же ловко, как и генеральский мундир, при этом таковым не являясь. Осмотрев себя в зеркало, я остался очень доволен и решил, что человек, носящий такой костюм, внушает к себе повышенное доверие. Хотя, скорее всего, на людей, подобных господину Сталину, эта магия не действует, поэтому мне на этой встрече лучше быть самим собой.

События, непосредственно предшествующие визиту, не отложились в моей памяти. Хоть от гостиницы до Кремля путь пешком занимал не более четверти часа, меня на эту встречу везли в закрытой машине. С фрау Антоновой мы встретились уже внутри – как я понимаю, на охраняемой территории. Я вышел из машины, она внимательно осмотрела меня и сделала комплимент, что в этом костюме, дополненном такой же серой шляпой, я выгляжу чрезвычайно представительно. Я ответил, что в этом никакой моей вины нет, и все претензии должны быть к портному; затем фрау Антонова сделала мне знак – и я направился вслед за ней. Сосредоточенный на предстоящей миссии, я не особо смотрел по сторонам во время следования по внутренним покоям Кремлевского дворца; я просто шел за ней – за своим Вергилием, сопровождавшим меня по темному большевистскому царству – ориентируясь на стук ее каблучков.

По мере приближения к кабинету господин Сталина мое волнение нарастало. Как-никак мне предстояла встреча с одним из величайших политиков современности... А если считать, что Черчилль уже мертв, то фигур такого класса на мировой шахматной доске остается всего две: Рузвельт, сумевший вытащить свою страну из цепких лап Великой Депрессии и господин Сталин, поднявший Большевицкую Россию из руин гражданской войны. Все остальные – это так: либо хорошо подготовленные посредственности, либо импульсивные дилетанты, к которым, кстати, я отношу и Гитлера. Умный и ответственный политик не полез бы в Россию и не стал бы связываться с Сатаной, ведь Князя Тьмы никогда не интересовала судьба его миньонов... На какое-то мгновение в мою голову закралась мысль, что, так сразу давая фрау Антоновой согласие, я едва ли проявил достаточно ума. Ведь мои жена и сын находятся во власти бесноватого ефрейтора, и если тот узнает о моем сотрудничестве с русскими, моих близких ждет незавидная судьба... скорей всего, они будут мгновенно уничтожены. Наверняка как родственники генерала, находящегося в советском плену, они и так находятся под особым контролем. Но раз я нужен господину Сталину, то, вероятно, имею право просить его об ответной услуге... Я знаю, что у него есть головорезы, сумевшие вытащить короля Георга из-под самого носа у заговорщиков, и почему бы мне не попросить большевицкого вождя проявить подобную заботу и в отношении моих родных... Этим я себя

немного успокоил.

И вот перед мной распахивается плотная дубовая дверь – и я стою в приемной господина Сталина. Нас встречает плотный лысоватый человек в полувоенной форме без знаков различия⁷, с холодными и пронизательными глазами. Внимательно посмотрев на меня и фрау Антонову, он снял трубку внутреннего телефона и сказал в нее несколько слов по-русски, запрашивая для нас разрешения войти. После его кивка фрау Антонова решительно направилась к двери в кабинет своего вождя, и я пошел за ней следом. Оказавшись внутри, я вдруг ощутил себя так, будто оказался наедине с большим и опасным зверем вроде тигра. Взгляд желтых глаз затягивал меня как в воронку... Русский вождь выглядел обычным человеком, но тем не менее я всей кожей ощущал его непохожесть на других. Странное дело: невысокого роста, он выглядел гораздо внушительнее, чем можно было предположить, исходя из его изображений, которые мне доводилось видеть. От него будто бы исходило невидимое свечение. Кроме того, его движения, посадка головы и, главное, этот взгляд – все говорило о том, что передо мной истинный титан: решительный, бесстрашный, жесткий и ироничный, чрезвычайно умный и хладнокровный, непоколебимый в своих убеждениях.

---

⁷ До введения погон, судя по историческим фотографиям, Поскребышев в петлицах френча знаков различия не носил, а потом сразу вдруг оказался генерал-майором.

– Здравствуйте товарищ Антонова, – сказал хозяин кабинета, – и вас, господин Роммель, я тоже рад видеть. – Говоря это, он оценивающе оглядел меня с ног до головы и, кажется, остался вполне удовлетворен. – То, что год назад вас удалось изъять живым и здоровым, было большой удачей для Советского Союза. Умных людей на этом свете слишком мало для того чтобы разбрасываться ими направо и налево.

С момента моего пленения я уже достаточно изучил язык, чтобы понять каждое слово и даже воспринять эмоции большевистского вождя. Только понять и сказать самому – это далеко не одно и то же. Любая немецкая овчарка способна понять, что ей говорит хозяин, но не способна сказать ни единого слова. Я, конечно, не овчарка, но мой уровень владения русским языком все же далек от идеала.

– Господин Сталин, – сказал я, – то время я не быть рад этот факт. Ваш люди быть решительны, и брать меня и убить все мой солдат. Целый один год я бездельничать и ждать, когда вы меня пытаться, чтобы я изменять мой фюрер, то теперь я сам хотеть работа. Вы можете сказать, почему это так?

– Только время и человеческий труд способны превратить виноград в вино... – задумчиво и с назидательным оттенком произнес большевистский вождь, пройдясь по кабинету вкрадчивыми, едва слышными шагами. Затем он вновь остановился передо мной и произнес: – Этот год для вас, господин Роммель, тоже не пропал даром. Вы много работали над собой – и сейчас вы совсем не тот человек, что был год на-

зад...

– Да, это есть правда, – согласился я, – сейчас я так доверчиво не идти бы навстречу Крымский Мясник. Этот человек способен использовать любой прием, даже если он быть противный офицерская честь.

– О какой офицерской чести вы говорите, господин Ромель? – прищурился Сталин. – Неужели о той, что позволила вам напасть на Советский Союз без объявления войны и выдвижения претензий? Или о той, что разрешила вашим солдатам любые преступления в отношении нашего мирного населения? Или о той, что морила наших пленных голодом в лагерях, расстреливала и вешала их по малейшему поводу и без? Или, может быть, германская офицерская честь позволяет вашим коллегам продолжать служить Гитлеру в то время, когда он уже полностью проявил свою сатанинскую сущность? Товарищ Бережной извлек вас живым из этого гадюшника и, отодвинув в сторону, позволил вам не измазаться в грязи и крови как некоторые прочие. Вы ему спасибо должны сказать, а не жаловаться на жизнь. Наша армия ведет священную войну с врагом, который вторгся к нам для того, чтобы кого-то из нас убить, а остальных сделать своими рабами, и в такой войне будут хороши все средства, ибо вас к нам никто не звал. К тому же ваш диверсионный спецполк Бранденбург-восемьсот в начале войны проделывал в наших тылах и не такое. А то взяли, понимаешь, моду жаловаться, что русские воюют неправильно – вот и получили

тем же самым и по тому же месту. Вы меня поняли, господин Роммель, или надо попросить товарища Антонову перевести вам все это на немецкий язык?

– Я вас хорошо понять, – сказал я, – я вообще хорошо понимать по-русски, но все же я прошу позволить мне говорить по-немецки, а фрау Антонова нас переводить. Говорить ваш язык – для меня это такой же, как таскать дрова, если я правильно помню этот поговорка.

– Почти правильно, – буркнул большевистский вождь, – но суть сейчас не в этом. Товарищ Антонова сказала мне, что вы дали согласие сотрудничать с нами в деле управления тем, что будет представлять собой Германия после окончательного краха Третьего Рейха...

– Да, господин Сталин, я действительно дал на это согласие, – сказал я по-немецки, и фрау Антонова перевела мои слова. – Немецкий народ совсем не виноват в том, что Гитлер пришел к власти, и я хочу насколько возможно облегчить его участь.

Сталин хмыкнул и посмотрел на меня очень нехорошим взглядом своих желтых глаз, от которого струйка холодка пробежала по моему позвоночнику.

– А разве не немецкий народ ходил с цепями и кастетами бить евреев и коммунистов? – спросил он. – Разве не немецкий народ аплодировал Гитлеру, когда тот произносил свои человеконенавистнические речи, и голосовал за его партию на выборах? Разве не немецкий народ, одетый в серые мун-

диры солдат и офицеров вермахта, пошел на нас войной, чтобы захватить тут себе поместья со славянскими рабами? Разве не немецкий народ жег наши дома, убивал, грабил и насиловал наших людей? Разве не немецкий народ породил таких чудовищ, которые заставили поблекнуть даже злодеяния турецких янычар? Разве не немецкий народ присягнул Гитлеру и служит тому верой и правдой даже тогда, когда тот привел Германию и немцев на край окончательной гибели?

Его артикуляция, расстановка слов, тональность голоса во время этой речи – все действовало на меня так, словно мне в голову вбивали гвозди. Этот человек, бесспорно, обладал редким даром воздействовать на умы масс, и по большей части потому, что сам был горячо предан своим идеалам – они настолько тесно вплелись в личность этого человека, что составляли саму его суть. При беседе с ним почему-то становилось понятно, что с его стороны не может быть никакого обмана, лукавства или попыток манипулировать. Он был честен, его дело было священным для него – и народ его был таковым же. Очевидно, в этом и сила русских...

После того как он замолчал, пытливо поглядывая на меня, прошло несколько секунд, в течение которых я молчал, не зная, с чего начать отвечать на эти вопросы, которые, будучи, по сути, риторическими, все же требовали какой-то реакции с моей стороны.

Чтобы немного разрядить обстановку, последние слова Сталина решила прокомментировать фрау Антонова.

– Что касается слепого поклонения немецкого народа своему фюреру-дьяволопоклоннику – то это, на мой взгляд, можно уже расценивать не как преступное деяние, а как признак идиотизма, – сказала она.

Я чуть прокашлялся и произнес:

– У вас есть только один путь, чтобы разрушить Рейх полностью и окончательно: вам нужно убить Гитлера – и тогда все закончится. Ведь у вас есть такая возможность, я знаю. Солдаты и офицеры вермахта, люфтваффе и кригсмарине приносили присягу лично фюреру германской нации, и его смерть сделает их свободными. Правда, в распоряжении Гимmlера останется СС, преданная лично ему, а это очень серьезная сила...

– Эрвин, да будет вам известно, что Гимmlера больше нет, – сказала фрау Антонова. – Кремирован заживо – по моему, между прочим, приказу. И большая часть верхушки СС тоже испарилась из нашего мира в тот же момент. Когда все закончится, я покажу вам то место, и вы сможете положить на оплавленные камни скромный букетик цветов.

– Обязательно, фрау Нина! – сказал я с горячностью в ответ на ее иронию, – только перед этим надо будет где-нибудь раздобыть хороший пук чертополоха. Ничего больше этот вампир и его прихвостни не достойны. Даже тогда, когда я еще был предан фюреру, господин Гимmlер и его присные не вызывали у меня ничего кроме гадливости... Если этот человек мертв, то после смерти Гитлера остальные ничего не

значат. Кейтель – пустоголовый дурак, Геббельс – не имеет реального веса, Геринг – наркоман, от всех проблем спасающийся при помощи шприца. Я почти уверен, что у Гитлера есть специальные преданные люди, которые после его смерти отправят рейхсмаршала на свидание с праотцами, ибо он не хочет, чтобы этот жирный слизняк унаследовал у него Германию...

Фрау Антонова перевела мои слова – и господин Сталин, немного помолчав, ответил:

– Ликвидировать Гитлера – это было очень интересное, но преждевременное предложение. У нас еще есть несколько дел, требующих серьезной подготовки, и их необходимо проделать при его жизни. Впрочем, как только эти дела будут сделаны, мы сразу воспользуемся вашим планом.

– Что ж... в таком случае мне будет несколько затруднительно с вами сотрудничать, – сказал я, с новой силой ощутив тревогу, которая сейчас просто душила меня, вода по краю отчаяния. С голосом моим вдруг что-то случилось, и я хриплым шепотом добавил: – Когда Гитлер узнает о моей измене, он сразу распорядится арестовать и уничтожить мою жену и сына...

Большевистский вождь и фрау Антонова переглянулись – и господин Сталин чуть заметно кивнул.

– Мы вполне способны помочь вашему горю, Эрвин, – сказала фрау Нина ободряющим тоном. – У нас есть такие люди, которые будут в состоянии доставить ваших родных в

безопасное место. Разумеется, за исключением того случая, если они уже находятся в тюрьме Моабит, ибо через несколько сотен охранников не прорваться даже нашему спецназу.

– Нет, – сказал я, мгновенно ощутив в душе большое облегчение, которое даже слегка опьянило меня, – насколько мне известно, моя жена Люсия и сын Манфред по-прежнему проживают в нашем доме в Ульме. По крайней мере, так было до тех пор, пока вы не захватили Швецию и не оборвали нашу связь с Рейхом через шведский Красный Крест... Надеюсь, ничего не изменилось...

– Мы уточним этот вопрос, – сказал Сталин, – так как от вас давно не было известий, их обоих давно могли мобилизовать: жену – во фраубатальон, а сына – в фольксштурм... В таком случае их следует искать где-нибудь в окрестностях так называемого Западного вала, где Гитлер, не имея больше достаточного количества кадровых солдат, собирается останавливать наше наступление горами человеческого мяса. Но наши военные не ведутся на такую уловку и стараются поменьше убить и побольше взять в плен. – Тут он чуть усмехнулся. – Да и не плен это, господин Роммель, а просто спасение, потому что мы не собираемся удерживать добровольно сложивших оружие солдат фольксштурма и фраубатальонов сверх необходимого ...

– Насколько нам известно, в этом деле царит такой бардак, – сказала фрау Нина, – что после мобилизации разыскать их можно будет только на сборных пунктах временно

интернированных или пока они сами не дадут о себе знать. При мобилизации во вспомогательные части⁸ документация по учету личного состава просто не ведется. В том, что это действительно так, вы сможете убедиться, едва прибудете в Австрию, где мы уже приступили к нормализации жизни вашего народа на освобожденных от Зла территориях...

Что ж, все сказанное меня весьма обнадеживало. Я пожал плечами и сказал:

– Ладно, я согласен. Только прошу без особой необходимости не афишировать мое имя. По крайней мере, до тех пор, пока не выяснится, что стало с моими родными. Ведь, кроме долга перед семьей, у меня есть долг перед своей страной.

– К сожалению, об этом не все помнят, – сказал большевистский вождь, пожимая мне руку. – Выезжайте скорее на фронт, ибо в Вене бои идут уже в окрестностях Северного вокзала, где вместе со своими эсесовцами окопался этот мерзавец Рендулич, а наши передовые части вышли к Линцу и Моравско-Будевице. Как видите, работы для вашей будущей гражданской администрации хоть отбавляй.

---

⁸ В Третьем Рейхе личное дело на призывника заводили во время прохождения им в семнадцатилетнем возрасте приписной комиссии, а потом просто передавали его по инстанциям. При массовой мобилизации невоеннообязанных, не прошедших приписные комиссии, на бумажные формальности просто махнули рукой, ибо было не до того. Мобилизованных просто татуировали как заключенных в концлагерях, нанося на запястье личный номер и номер части. Все равно эти люди так или иначе были предназначены на заклание, и Кейтель не видел смысла возиться с их персональным учетом.

– Господин Сталин, – неожиданно для самого себя сказал я, – позвольте один вопрос?

– Позволяю, – сказал большевистский вождь, – мне просто интересно, о чем вы можете меня спросить.

– Скажите, сумею ли я когда-нибудь снова надеть военный мундир? – сказал я.

Большевистский вождь нахмурился.

– Вы не нужны нам в качестве военного, – довольно резко ответил он, – а тот мундир, что вы носили до недавнего времени, был осквернен прикосновением к нацизму-сатанизму. И тут двух мнений быть не может; вместе с теми людьми, которых вы будете обязаны спасти из мрака отчаяния, вы должны будете каяться и молить о прощении за все содеянное. И вообще, я надеюсь, что навыки, которые вы обрели в армии, вам больше никогда не пригодятся. У нас достаточно своих талантливых генералов, способных решить любые мыслимые и немыслимые задачи, а вам предстоит трудиться там, где вы больше всего нужны вашему обманутому и израненному народу. Мы не англичане с французами, и поэтому не будем подвергать немецкий народ мелочному унижению, но в любом случае вам всем предстоит тяжелый путь искупления и осознания содеянного. Спасение души – это я вам говорю как специалист – требует немалых затрат сил, ума и нервов, как ваших, так и тех, кого вы соберетесь спасти. Кроме того, у немцев просто не осталось солдат, которых вы могли бы повести за собою в бой; они все умерли или умрут

в ближайшее время. Вы меня поняли, господин Роммель? А если поняли, то идите, и я надеюсь, что услышу о вас только хорошее и никогда не пожалею о сегодняшнем разговоре. А вы, товарищ Антонова, проводите господина Роммеля до машины и, пожалуйста, вернитесь. У меня к вам есть еще один разговор.

Сказав эти слова, господин Сталин посмотрел на меня таким взглядом, что я сразу понял – в нашей беседе поставлена точка. Для меня тоже все было ясно – и я выходил из кабинета большевистского вождя уже совершенно другим человеком. Теперь мое место было там, где страдает и мучается мой несчастный народ, которого фюрер и его камарилья, ослепив сладкими посулами о расе господ, привели на край пропасти, за гранью которой – только гибель и забвение.

Полчаса спустя, там же.

Присутствуют:

Верховный Главнокомандующий – Иосиф Виссарионович Сталин;

Начальник генерального штаба – генерал-полковник Александр Михайлович Василевский;

Генеральный комиссар госбезопасности Лаврентий Павлович Берия;

Специальный консультант Верховного Главнокомандующего – комиссар госбезопасности третьего ранга Нина Викторовна Антонова.

Не успела комиссар ГБ Антонова выполнить указание товарища Сталина и, сопроводив Роммеля до машины, вернуться обратно в кабинет Вождя, как там уже сидели Василевский и Берия.

– Ну вот, все в сборе, – сказал Сталин. – Приступим, товарищи. Три дня назад товарищ Василевский тут высказался о необходимости проведения в кратчайшие сроки Южно-германской наступательной операции. Но, как мы понимаем, с кратчайшими сроками не очень-то получается. Не так ли, товарищ начальник генерального штаба?

– Нет, товарищ Сталин, не так, – ответил генерал Василевский. – Несмотря на то, что нам до сих пор не удалось разблокировать обороняемый эсесовцами район в центре Вены с проходящими через него основными железнодорожными магистралями, мы сумели восстановить возможность движения по нескольким обходным путям. В том числе юго-западнее Вены кавалеристами армии Жадова занята крупная узловая станция Сан-Пельтен, поэтому к мехкорпусам, вставшим на границе Австрии и Баварии снабжение для пополнения припасов поступит вовремя.

– Ну, раз так, то хорошо, – сказал Верховный, сменив гнев на милость. – Нехорошо то, что товарищ Конев до сих пор возится с центром Вены, когда его стрелковым дивизиям пора давно двигаться дальше.

– Операция по ликвидации венского котла поручена 9-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Глаголева, – сказал

генерал Василевский, – сформированной во время оперативной паузы из гвардейских стрелковых корпусов и штурмовых частей как раз под эту задачу. Мы заранее знали, что чистого захвата города, как было с Будапештом в Вене, у нас не получится, а посему операция спланирована таким образом, чтобы, отжимая противника к центру города, нести наименьшие потери. Положение осложняется тем, что основу обороняющихся составляют эсесовские части, а фольксштурм и фраубатальоны используются только в качестве живого щита и материала для жертвоприношений, которые не прекращаются ни на минуту. Наши штурмовые части форсировали Дунайский канал в районе Хейдерштрассе, и теперь с юга, через парк Пратер, продвигаются к эпицентру обороны – Северному вокзалу. Увеличения нажима и использование непригодных к такому виду боя стрелковых частей не принесет нам ничего, кроме дополнительных потерь. Как следует из донесений командиров наших штурмовых частей, эсесовцы в плен не сдаются и отступают, оставляя за собой только трупы и выжженную землю, а заложники, которых они нагнали на этот пятачок, в любом случае обречены на гибель...

– Ладно, – махнул рукой Сталин, – если все обстоит так, как вы говорите, то пусть его. В конце концов, выполнению основной задачи это не мешает; фронт сейчас стоит не под Курском, а в районе Вены, и, самое главное, потери у нас в разы меньше прежних, а у врага, соответственно, больше.

– В нашем прошлом полностью окруженный гарнизон Бреслау сражался против советской армии целых два месяца и капитулировал только после того, как стало известно, что Берлин пал под натиском советских войск, а Гитлер покончил жизнь самоубийством. Вот тогда и в самом деле сдались все, даже эсесовцы, потому что единый монолит, о который разбивались наши атаки, рассыпался в песок при известии о смерти их вождя.

– Так вы считаете, что у нас нет прямой необходимости форсировать штурм Вены? – спросил Верховный.

– Да, именно так, товарищ Сталин, – пожала плечами Антонова, – блокировать их на этом пяточке – и пустить сидят. Никуда они оттуда не денутся, ведь никакой помощи немецкое командование оказать им уже не сможет. Основные резервы Гитлера сидят на попе ровно в Силезии и ждут удара с востока со стороны корпусов Бережного и Катукова.

– Уже не сидят, – уверенно сказал Василевский, – но и на помощь окруженному гарнизону Вены тоже никто не рвется. Уроки встречного танкового сражения под Сумами немецкими генералами выучены хорошо, поэтому перебрасываемые на юг германские подвижные части занимают оборону во втором эшелоне Силезского укрепрайона, готовясь противодействовать нашему наступлению танковыми засадами и локальными контрударами. На большее у вермахта и СС сил уже нет. Пять сотен танков, из которых только сотня – тяжелые «тигры», в масштабах грядущего сражения никакой

роли сыграть не смогут. Таковую группировку, даже если собрать ее в один кулак, во встречном сражении разобьет даже один мехкорпус ОСНАЗ, а мы в случае необходимости сможем задействовать на Силезском направлении от двух до четырех своих лучших ударных соединений.

– Скажите, товарищ Василевский, а нам вообще нужно лезть в это осиное гнездо? – спросил Сталин. – И вообще, сколько у противника сил в этом Силезском укрепрайоне, за исключением пресловутых танковых корпусов СС?

– Основные силы, которые, по мнению Кейтеля, должны оборонять Силезский УР, это все тот же фольксштурм, фраубатальоны, так называемые рабочие полки, польские националисты и совсем немного регулярных частей вермахта, – сказал Василевский. – Территория Генерал-губернаторства, то есть Польши, при этом рассматривается как предполье, и немногочисленные кадровые войска отводятся из нее на границу Германии, а все живое и неживое на этой территории приговорено к уничтожению. Сил для того, чтобы удерживать Польшу при более-менее серьезном наступлении Красной Армии, у врага просто нет. Слишком дорого немцам обошлась наша операция «Багратион-два», слишком много солдат навсегда осталось среди лесов и болот, слишком много было потеряно танков, артиллерийских орудий, минометов и самолетов. И хоть после этого мы в основном громили союзников Гитлера, обстреливая его до кочерыжки, дивизии вермахта при этом тоже попадали под удар,

подвергаясь полному уничтожению. Благодаря советам генерала Бережного и его товарищей, а также при их непосредственном участии в боях, мы научились не просто оттеснять вражеские войска на запад, а окружать их в котлах в глубине наших боевых порядков и уничтожать безо всякой пощады. Не хотелось бы нарушать это правило и на этот раз. Лобовой штурм Силезского УРа не даст нам стратегического и тактического выигрыша, но неизбежно приведет к тяжелым потерям. Поэтому, ну его. Мое личное мнение, что в Нижнюю Силезию лезть пока не надо. В ТОТ РАЗ, когда наши войска наперегонки с союзниками по кратчайшему расстоянию рвались к Берлину, Силезская группировка противника, значительно более сильная, чем сейчас, для штурмующих Берлин советских фронтов представляла угрозу глубокого контрудара во фланг и тыл. Но ЗДЕСЬ У НАС обстановка совсем другая, поэтому лезть непосредственно в Силезский УР прямой необходимости нет. Засевшие в Силезии немцы ничем не смогут помешать нашим войскам, пробивающим южногерманский коридор во Францию, поэтому пусть сидят там, где они сейчас, пока до них не дойдут руки...

Сталин в задумчивости прошелся по кабинету, а затем произнес:

– Товарищ Антонова считает, что вся эта конструкция рассыплется в прах, едва станет известно о смерти Адольфа Гитлера, которому все эти люди приносили присягу. Ну что же – подождем и посмотрим, а пока есть мнение, что нам по-

ра давать приказ на подготовку южно-германской наступательной операции, которая будет выглядеть как продолжение операции «Суворов». А чтобы Гитлер за это время не заскучал, то ровно во вторую годовщину войны, двадцать второго июня, следует начать операцию по освобождению западной части Польши и Поморья, под кодовым наименованием «Румянец» – ее предстоит осуществлять силам Войска Польского, Первого Украинского фронта, Первого и Второго Белорусских фронтов, Прибалтийского фронта, а также мехкорпусам особого назначения Бережного, Катукова и Рыбалко. После прорыва линии и обороны по рубежу Мемель-Белосток-Люблин эти войска займут всю территорию так называемого генерал-губернаторства, и, повернув на север, завершат дело Восточно-Прусской наступательной операцией. На этом с военной составляющей все, товарищи. Переходим к политике. Нет-нет, товарищ Василевский, останьтесь, на этот раз вы нам нужны.

Немного помолчав, вождь обвел присутствующих внимательным взглядом и в звенящей тишине сказал:

– Конечно, для обсуждения этого вопроса сюда следовало бы пригласить товарища Молотова, но Вячеслав не зря носит почетное прозвище Каменная Задница. Если требуется претворить в жизнь какой-то конкретный и тщательно разработанный план, то он будет незаменим. А вот если потребуется думать на перспективу, просчитывая варианты действий, то на товарища Молотова где сядешь, там и слезешь. А посему

мы поставим его в известность, когда у нас уже будет этот самый конкретный план.

– Насколько я понимаю, речь пойдет о будущем Германии в политическом смысле? – сказала Антонова.

– Вы правильно понимаете, – кивнул вождь, – поскольку на ЭТОТ РАЗ нас никто не будет толкать под руку, мы все сможем сделать наилучшим образом, не оглядываясь ни на Джона Буля, ни на дядю Сэма. Хотя в Соединенных Штатах Америки есть силы, которые будут сходить с ума, если мы не сотрем германскую нацию с лица земли. Но нам от их сумасшествия будет ни холодно ни жарко, ибо наше участие в войне против Японии для Рузвельта есть предмет первой необходимости. Поэтому давайте приступим к обсуждению, не оглядываясь на позиции разных посторонних. Товарищ Антонова, вам слово.

– Итак, – произнесла та, – в результате дурацкого Версальского мира Германию не только принудили к капитуляции и отобрали у нее Эльзас и Лотарингию, но еще и жестоко унизили. И именно это чувство национального унижения и стало лучшим агитатором в пользу Гитлера. Разбираясь с побежденной Германией, мы не должны ее унижать...

– Вы, товарищ Антонова, предлагаете похвалить немцев за все, что они совершили у нас и во всем мире? – с резко выраженным акцентом произнес Берия.

– Совсем нет, товарищ Берия, – ответила Антонова, лишь мельком бросив взгляд на «лучшего менеджера всех времен

и народов», – но покаяние и искупление вины не должны сопровождаться унижением. Во-первых – не должно быть передачи немецких земель (в первую очередь разным никчемным полякам) и изгнания оттуда граждан немецкой национальности куда глаза глядят. Не надо отдариваться перед поляками за восточные кресы землями Силезии и Померании. Гиена Европы в принципе не помнит добра, и поэтому чем меньше у нее земель, тем лучше. Даже если она будет существовать в качестве Союзной республики, новыми территориями поляков лучше не баловать. Во-вторых – всем немцам следует поголовно пройти процесс денацификации. Активные сторонники нацизма-гитлеризма, которые способствовали приходу фюрера к власти, члены нацистской партии и преступных организаций СА и СС – все их следует судить особыми трибуналами и депортировать в места с климатом повышенной суровости, а преступников первой категории – попросту расстрелять и тут же кремировать. Ни один палач, насильник и убийца не должен уйти от возмездия. В-третьих – мы должны сразу сказать, что вся Германия – это территория Советского Союза и на ней действуют советские законы и ходят советские деньги. Но немцам и это принципиально важно, гражданский статус надо еще заслужить, а пока они подданные. Государство защищает жизнь, имущество, честь и личное достоинство, законопослушных немцев, но не более того. А для того, чтобы тот или иной немец получил право участвовать в политической жизни, избирать и

быть избранным, он должен сотрудничать с советской властью, брать на себя общественную нагрузку, и чем больше он старается, тем скорее станет гражданином...

– Немцы будут особо стараться в написании доносов, – меланхолически заметил Берия, – по-другому они не умеют. Наши товарищи на освобожденной территории Австрии просто завалены работой, потому что с приходом Красной Армии немецкий обыватель занялся привычным делом. Если раньше он стучал на всех, в ком подозревал коммунистов или советских парашютистов, то теперь он в рамках той же традиции доносит на членов нацистской партии, СА и СС.

– Да ну их, – сказал Сталин, – наказывать стоит только за ложные доносы. А если все подтверждается, то пусть стучат. Так мы быстрее очистим эту землю от скверны.

Генерал Василевский смущенно кашлянул и спросил:

– Мы хотели бы знать – как нам относиться к связям наших солдат и офицеров с местным немецким населением? В войсках ходят слухи о том, что в связи с гибелью большинства немецких мужчин советским солдатам, героям-орденоносцам разрешат завести себе вторую немецкую жену...

Тут Сталин от неожиданности закашлялся в усы, а Берия, невозмутимо протерев пенсне, сказал:

– У нас тоже есть сведения о том, что в войсках ходят такие разговоры. Не знаю, что по этому поводу думает товарищ Мехлис, но мне кажется, что во всем этом есть определенная двусмысленность. С одной стороны, у нас совершенно не

приветствуются контакты с иностранцами, а с другой – уже объявлено, что после победы над германским нацизмом все страны Европы войдут в состав Советского Союза, и Германия, между прочим, тоже.

– Никакой двусмысленности быть не должно, – сурово отрезал Сталин. – Товарищ Антонова, а что вы скажете по этому поводу?

– По какому из них, товарищ Сталин? – ответила Антонова, – по поводу статуса европейцев – в частности, немцев, как будущих советских граждан – или по поводу возможности разрешения двоеженства в Советском Союзе?

– По обоим, товарищ Антонова, по обоим, – усмехнулся в усы вождь. – Зная вас, я не сомневаюсь, что вы владеете ситуацией.

– Ну что вам сказать... – пожала та плечами, – что касается двоеженства – если рационально, то по итогам войны надо будет провести перепись и подсчитать конечное соотношение мужчин и женщин репродуктивного возраста по всему Советскому Союзу и по отдельным субъектам (в частности, той же Германии), а потом делать выводы. Определенное и немалое количество молодых немецких мужчин находятся у нас в плену, поэтому поверхностное впечатление, что в Германии не осталось цветущих возрастов, может быть ошибочным...

– Как я понял, вы предлагаете отложить этот вопрос на послевоенное время? – сказал Сталин.

– Именно, товарищ Сталин, – ответила Антонова, – с бухты-барахты такие щекотливые и спорные вопросы не решаются. А что касается контактов наших командиров и бойцов с будущими гражданками Советского Союза, имеющих по отношению к ним матримониальные намерения, то, с одной стороны – необходимо бороться с появлением у наших командиров ППЖ⁹, особенно иностранного происхождения, с другой, думаю, что этот вопрос тоже следует отложить до Победы. Без официального признания стран Европы частью Советского Союза тут не обойтись, а для этого в них будет необходимо провести выборы и установить законные просоветские правительства. Хотя, исходя из прецедента Ватикана, никто не мешает нам заключить соответствующие соглашения со странами, имеющими законные правительства – то есть с Болгарией и Румынией, а также явочным порядком включить в состав Советского Союза побежденную Германию. А еще будущие советские граждане могли бы получать этот статус в индивидуальном порядке за какие-то заслуги перед Советским Союзом – например, за участие в военных действиях или партизанском движении, направленном против фашистско-сатанинского режима Гитлера, или содействие процессу установления советской власти.

---

⁹ ППЖ – походно-полевая жена, – постоянная любовница, следующая за командиром по всем перипетиям его походной жизни. Иногда походно-полевая жена становилась просто женой, как в случае с генералом Рокоссовским, но чаще всего нет. Если в таком качестве выступает иностранка, то это недопустимо и должно вызвать активные действия не только замполита, но и особиста.

– Мы вас поняли, товарищ Антонова, – кивнул вождь, – и еще подумаем над этим вопросом. Есть мнение, что признавать Германию явочным порядком территорией Советского Союза мы будем уже после окончательного краха Третьего Рейха, и тогда же объявим в Европейских странах первые послевоенные выборы, за которыми воспоследует и все остальное. А наши бойцы и командиры, если у них действительно большая любовь, потерпят до того момента, когда мы сможем все сделать по закону. В исключительных случаях, которые тоже бывают в жизни, компетентным органам, которые будут разбирать дело и решать, разрешить или запретить, следует смотреть на лояльность невесты к советской власти и послужной список жениха. На этом вопрос можно считать исчерпанным; товарища Берия я попрошу остаться, а остальные могут быть свободными.

20 июня 1943 года, 10:15. Третий рейх, Бавария, резиденция Гитлера «Бергхоф».

В канун второй годовщины начала войны на востоке в резиденции Гитлера Бергхоф царила необычайная суэта. Казалось, будто переезжает грандиозный цыганский табор. В грузовики, частью навалом, частью аккуратно, грузились книги, документы, пуховые перины, мужские костюмы и многое другое, что необходимо политику в его повседневной жизни. В воздухе летал черный пух от сгоревших бумаг: миллионы страниц документов обратились в пепел в многочисленных

каминах, печах, да и просто кострах, разложенных прямо во дворе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.